

МК-СМ-Ф-1

C $\frac{62}{98}$

801-13
1264

19588-41

О РАСКОЛЬНИКАХЪ Г. РИГѢ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ШКОЛАМЪ

1863.

Русскіе раскольники, имѣющіе нѣкоторое понятіе о рижской общинѣ безпоповцевъ, представляютъ себѣ эту общину идеаломъ всесторонняго благоустройства и желанной свободы.

Изъ раскольниковъ ближе всѣхъ знакомы съ рижскою общиною московскіе оедосѣвцы и безпоповцы поморскаго согласія, разбѣянные по сѣверозападному краю Россіи, Литвѣ и Царству Польскому.

*) Записка эта составлена г. Дѣсковымъ, который въ 1863 году былъ посланъ министромъ народнаго просвѣщенія въ Ригу для собранія свѣдѣній о школахъ тамошнихъ раскольниковъ. Вотъ что писалъ министру народнаго просвѣщенія тамошній генералъ-губернаторъ баронъ Дивенъ 19 августа 1863 г. за № 3241: «Въ отвѣтъ на письмо нашего превосходительства отъ 10 прошлаго іюля за № 172, имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, что я предоставилъ литератору **С. Дѣскову**, для теоретическаго изученія раскольниковскихъ школъ всѣ касающіяся этого предмета дѣла моей канцеляріи, гдѣ онъ занимался постоянно; а для того, чтобы видѣть и ознакомиться съ дѣйствительною жизнью здѣшнихъ раскольниковъ, съ внутреннимъ ихъ бытомъ г. Дѣсковъ поселился между ними и жилъ у одного изъ нихъ. Предоставляя вамъ самимъ судить о результатѣ занятій г. Дѣскова въ Ригѣ, я скажу лишь, что вышнѣи раздѣлю выраженное имъ, въ разговорѣ со мною и почитателемъ Рижской раскольниковской богадѣльни казандарскимъ штабъ-офицеромъ Андреевымъ, мнѣніе, о необходимости элементарныхъ школъ для раскольниковъ и при томъ школъ не смѣшанныхъ съ православными. Необходимость въ школахъ для раскольниковъ я признаю не только въ видѣхъ личнаго образованія ихъ, цѣля самой по себѣ благотвѣльной, но и въ томъ убѣжденіи, что школы представляютъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ для столь желаемаго сліянія раскола съ православіемъ.»

Общее желаніе раскольниковъ устроиться во всѣхъ частяхъ своего общественнаго быта по рижскому образцу рождаетъ огромный интересъ къ ближайшему изученію этой общины, возбуждающей всеобщую зависть.

Эта симпатія рижскимъ порядкамъ и молва о независимости образованія раскольниковъ юности въ г. Ригѣ побуждаютъ обратить вниманіе на рижскую общину и потому ниже слѣдующія свѣдѣнія о ней будутъ, конечно, не бесполезны.

Извѣстно, что начало систематическому воспитанію малолѣтнихъ раскольниковъ въ общественныхъ школахъ положено московскимъ купцемъ Ильею Васильевичемъ Ковылинымъ въ первой четверти текущаго столѣтія. Изъ исторіи Преображенскаго кладбища въ Москвѣ мы знаемъ, что «въ одномъ изъ зданій этого кладбища было устроено Ковылинымъ училище, гдѣ мальчюки съ бойкими способностями обучались чтенію и письму церковному, подъ руководствомъ наставника Осипова. Потомъ очередные наставники толковали имъ катихизисъ. Образование оканчивалось изученіемъ главныхъ пунктовъ отличія еодосіевскаго ученія отъ ученія православной церкви. Для учениковъ была открыта кладбищенская бібліотека, состоявшая изъ старопечатныхъ книгъ и раскольниковыхъ сочиненій, которою они пользовались подъ руководствомъ своихъ учителей.»

Люди, имѣвшіе возможность близко ознакомиться съ старыми дѣлами Преображенскаго кладбища старались доказать что «все образование кладбищенской школы было направлено къ тому, чтобы внушить дѣтямъ отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ» (изъ истор. Преобр. кладбища л. 44).

Принимая во вниманіе общія тенденціи раскола и исключительную политику покойнаго Ковылина, нѣтъ основаній опровергать сдѣланный выводъ о направленіи Преображенской кладбищенской школы въ самое цвѣтущее время ея существованія.

Познанія въ наукахъ и искусствахъ, выносимыя воспитанниками изъ этой школы, вообще были до крайности бѣдны. О

наукахъ, способствующихъ развитію самостоятельнаго мышленія въ ковылинской школѣ не было и поминна. Въ ней учили счисленію, но и то слегка, на столько на сколько это необходимо по соображенію русскаго лавочника. Въ искусствахъ шли тоже очень немного дальше. Нѣкоторые изъ членовъ кладбищенской школы пріобрѣтали замѣчательное искусство писать по уставному и потомъ занимались переписываньемъ богослужебныхъ книгъ, которыя по дорогой цѣнѣ продавались въ конторѣ кладбища иногороднымъ еодосіевскимъ общинамъ и зажиточнымъ еодосіевцамъ. Другіе занимались иконописнымъ искусствомъ и дѣлали копии съ древнихъ иконъ иногда такъ удачно, что самые знатоки съ трудомъ могутъ отличать копию отъ оригинала. Весьма искусно воспитанники умѣли поддѣлываться и подъ древнія рукописи, измѣняя при томъ и самый цвѣтъ бумаги и соблюдая малѣйшіе остатки древности.»

Въ этомъ заключалось общественное образованіе въ большой ковылинской школѣ на Преображенскомъ кладбищѣ и въ этомъ же оно заключалось во всѣхъ общинахъ еодосіевскаго согласія въ губерніяхъ: Ярославской, Тверской, Нижегородской, Саратовской, Новгородской, Рижской, Казанской, Симбирской, на Дону и Кубани. Словомъ во всѣхъ общинахъ, находившихся во время Ковылина въ зависимости отъ Преображенскаго кладбища, — и иначе это не могло быть потому — что «все эти общины получали отъ кладбища наставниковъ и покупали въ его конторѣ свои книги».

Въ такомъ положеніи раскольниковъ педагогія дожила до воцаренія Императора Николая, при которомъ всякое проявленіе ихъ общественной начала преслѣдовалось съ строгостью, отъ которой раскольники отвыкли во времена Екатерины II и Александра I. Суровыя мѣры, предпринимавшіяся противъ раскола въ царствованіе Павла Петровича, по кратковременности этого царствованія, не ступевали начатковъ раскольниковъ самоустройства въ Екатерининское время, но при Императорѣ Николаѣ все это пригнулось, спряталось и къ нашимъ днямъ не

осталось уже ни одной открытой раскольниковей школы, даже и общинно-хозяйственное самоуправление мѣстами вовсе исчезло, а мѣстами замаскировалось так ловко, что изучение его представляеть очень много трудностей для каждаго человѣка имѣющаго хотя какое-нибудь непосредственное сношеніе съ правительствомъ. Одна рижская община, благодаря своему отдаленному положенію въ остзейскомъ краѣ, и другимъ болѣе или менѣе благоприятнымъ обстоятельствамъ, сохранила до сихъ поръ свое отдѣльное хозяйственное самоуправленіе, имѣеть благолѣпную каменную модельню, съ четырьмя «духовными отцами», хоромъ обученныхъ кривоному гѣнію пѣвчихъ, больницею, домою для призрѣнія дряхлыхъ и общественною подгородною мызою Гризенбергъ. Но открыто существовавшую до 1829 года школу рижская община утратила. Съ этого времени и она обходится только секретными школками, устроенными въ частныхъ домахъ и существующими подъ великимъ страхомъ и великою данью у мѣстной полиціи.

Держась своего предмета мы будемъ касаться прочихъ частей устройства рижской общины, лишь на столько, на сколько это необходимо для выясненія положенія учебнаго вопроса. Прежде всего нужно сказать нѣсколько словъ о духѣ самаго раскола въ общинахъ рижской и псковской. Это совершенно идетъ къ нашему предмету.

Тѣмъ самымъ, что раскольники Риги и Пскова со временъ Екатерины находились въ полной мѣральной зависимости отъ московскаго Преображенскаго кладбища обыкновенно опредѣляютъ духъ ихъ вѣроученія. Ихъ до сихъ поръ считаютъ еедосеянами или еедосіевцами, т. е. послѣдователями дьячка Крестецкаго яма Теодосія, отдѣлившагося отъ поморскаго согласія. Секта еедосѣвцевъ въ исторіи русскаго раскола важна не менѣе секты поморской, слѣдующей ученію даровитыхъ братьевъ Денисовыхъ, распространившемуся по Россіи изъ Выгорѣцкой киновіи. Обѣ эти секты признають благодать преемственнаго рукоположенія исчезнувшее, считаютъ господствующую

щую церковь еретическою, отвергаютъ духовенство какъ санкцифированное сословіе и слѣдовательно отвергаютъ возможность самой евхаристіи. Разница между *поморцами* и *еедосіеянами* главнымъ образомъ заключается въ томъ, что *поморцы* допускають бракъ, освящая его благословеніемъ родителей и отца духовнаго и молятся за царя «нужды ради» и «страха ради Самарина» чинovníка производившаго нѣкогда слѣдствіе въ Выгорѣцкой обители. Еедосѣвцы же не допускають брака и не только не молятся за царя но и молящихся за него «поморянь» въ насмѣшку надъ ихъ трусостью передъ Самариннымъ называютъ не «поморянами», а «самарянами». Бракъ здѣсь отвергается прямо какъ послѣдствіе отверженія священства—«нѣмчачъ не кому» говорить «да и время не то, — антихристъ невидимо царствуетъ и настали дни, въ которые не довѣдетъ ни жениться ни посягать», а за царя не молятся потому что «онъ не благовѣрный», т. е. не старой, не благой вѣры; «сынъ ереси», «эллинъ», и наконецъ просто *такъ* не молятся, потому что не въ обычаѣ за него молиться. Это «такъ» замѣчается и у чистыхъ вѣрнопопданнѣйшихъ поморцевъ, которые молятся за царствующаго государя какъ «за власть преержащую», но за умершаго молиться не хотять даже страха ради самаринскаго. Это одинаково относится ко всѣмъ умершимъ государямъ: Петру I, Павлу Петровичу, Николаю и особенно уважаемымъ всѣми старообрядцами Екатерино II съ Александромъ I, которыхъ хотя они тоже не хотять назвать «благовѣрными», но всегда признають «благочестивыми».

Судя лишь по однимъ этимъ отличіямъ ученія поморскаго отъ ученія еедосѣвскаго можно до нѣкоторой степени объяснить себѣ причины правительственнаго неблаговоленія къ еедосѣвцамъ; но основаній и смысла преслѣдованія сромнѣйшихъ и вѣрнопопданнѣйшихъ поморцевъ, обижаемыхъ властью и осмѣиваемыхъ за свое «самарянство» своими же братьями раскольниками другихъ согласій, понять невозможно. Это объясняется только развѣ крайнею неблаговоспитанностью право-

славнаго духовенства и отсутствіемъ въ правительствѣ людей знакомыхъ съ духомъ раскола.

Однако объ главныя безпоповщинскія секты: *поморцы* и *ведосёвцы* въ теченіи двухъ вѣковъ подвергались совершенно одинакимъ преслѣдованіямъ гражданской и духовной полиціи и даже, можно сказать, что наивнымъ петербургскимъ поморцамъ, въ предшествовавшее царствованіе часто доставалось гораздо больше, чѣмъ ведосіанамъ, московскіе вожакі которыхъ отлично знали топографію домовъ нѣкоторыхъ вліятельнѣйшихъ лицъ Александровскаго и Николаевскаго времени.

Мы упоминаемъ объ этомъ для того, чтобы замѣтить несообразности огульнаго закрытія разомъ всѣхъ первоначальныхъ школъ въ общинахъ раскольниковъ разныхъ согласій. Мы не имѣемъ основанія опровергать заключеній, сдѣланныхъ о духѣ преподаванія въ школѣ Ковылина, гдѣ будто бы двумъ стамамъ мальчикамъ внушалось «отращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ», но позволимъ себѣ однако указать на раскольниковую генерачію, родившуюся при Императорѣ Николаѣ, когда уже не существовало зловерной ковылинской школы, да не было и вообще никакихъ раскольничьихъ школъ. Генерачія эта выросла въ кругломъ невѣжествѣ и воспитала въ себѣ сугубое «отращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ.»

Зная изъ исторіи раскола нравственную связь рижскихъ раскольниковъ съ московскимъ Преображенскимъ кладбищемъ я не могъ понять какъ возникло у поморцевъ сочувствіе къ общинѣ, приверженной Ведосёвщинѣ? и выѣхавъ 12-го іюля изъ Петербурга не поѣхалъ прямо въ Ригу, а остановился сначала въ Псковѣ. Здѣсь, благодаря содѣйствию одного моего товарища, я сошелся съ купцомъ Васильемъ Николаевичемъ Хмѣлинскимъ, человѣкомъ весьма здравомыслящимъ, очень богатымъ, большимъ ревнителемъ раскола и, кажется, несомнѣннымъ другомъ властей à la Ковылинъ. Этотъ Метернихъ «древняго благочестія» ни о комъ не говоритъ худо, ни о православномъ архіе-

реѣ, ни о властяхъ, ни о *Колоколь* и его редакторѣ. У него всѣ хорошіе люди и все это выходитъ такъ ладно, что напримѣръ и власти обруганныя въ *Колоколь* какъ будто совсѣмъ правы, и *Колоколь* какъ будто ни въ чемъ не виноватъ. Такъ и до всего. За то г. Хмѣлинскій у всѣхъ и въ чести, и въ милости, и въ силѣ, и даже въ славі. У раскольниковъ онъ столпъ, за который всѣ стараются держаться и который сами всѣ подпираютъ. Отецъ его много пострадалъ за вѣру и спокойно вынося всѣ гоненія, удержалъ своимъ примѣромъ другихъ, изнемогавшихъ подъ тягостью правительственнаго преслѣдованія. Сынъ идетъ дорогою своего отца. Здѣсь мнѣ интересно было узнать: какой именно расколъ держится въ предѣлахъ псковскихъ и что за ученіе у рижанъ. Я, разумеется, ждалъ встрѣтить ведосёвцевъ. Но при всѣхъ моихъ столкновеніяхъ и новыхъ знакомствахъ съ псковскими раскольниками рабочаго класса я не могъ добиться: какого они держатся толка? Прямо на этотъ вопросъ ни одинъ изъ людей, съ которыми я познакомился до встрѣчи съ Хмѣлинскимъ не могъ дать мнѣ хотя мало-мальски положительнаго отвѣта. Сначала я считалъ это лукавствомъ, но потомъ убѣдился, что безграмотные раскольники, которыхъ не мало между псковичами, дѣйствительно ни чего не знаютъ о своемъ вѣроученіи и ничего не могутъ сказать кромѣ какъ: «мы батюшка по древнему благочестію». Оставленный въ одной простой, весьма многочисленной раскольниковѣйшей семьѣ съ одними женщинами разныхъ возрастовъ, я изъ разговоровъ съ ними убѣдился, что имѣю дѣло и не съ чистыми поморцами и не съ ведосёвцами. Изъ всего мною слышаннаго отъ женщинъ выходило, что-то странное, новое и непонятное: не то ведосёвщина, не то поморство. Въ Хмѣлинскою я уже встрѣтилъ чело-вѣка способнаго и кажется желавшаго не только отвѣчать на всѣ вопросы, но даже и спорить, и совѣщаться. Благодаря ему для меня стали ясны многія прежде непонятныя стороны симпатіи поморянъ учрежденіямъ рижской общины. Оказалось, что самые псковичи и рижане давно уже капитально разошлись

съ московскими еодосѣвцами и сблизилсь съ поморствомъ. Сблизеніе это у псковичей послѣдовало гораздо рѣзче чѣмъ у рижанъ, хотя и рижане уже называютъ себя «православными» или «старовѣрами еодосіевско-поморскаго согласія». Но въ толкованіи рижанъ есть еще остатки еодосіевскихъ воззрѣній на бракъ, тогда какъ у псковичей взглядъ на бракъ выработался гораздо чище, чѣмъ у самихъ поморцевъ. Последнее обстоятельство зависѣло отъ быстрого распространенія здѣсь ученія приходящаго сюда изъ Пруссіи инока Павла, противъ котораго подъ носомъ у московской полиціи въ третьемъ году собирався въ Москвѣ въ домѣ кушпа Морозова раскольникій соборъ. На этомъ соборѣ эмигрантъ Павелъ велъ жаркіе теологическіе споры съ королевцами (раскольниками принимающими священство) и препирался о бракахъ съ еодосѣвцами. По утврѣненію однихъ онъ защищался слабо, по словамъ же другихъ блистательно доказалъ чистоту своего ученія. Но какъ бы тамъ не было, секретный соборъ собиравшійся на Павла не только не уронилъ его значенія, но даже содѣйствовалъ быстрѣйшему его успѣху въ общинахъ многихъ поморянъ и еодосѣвцевъ. Еодосѣвцы, убѣждаея ученіемъ Павла, во многихъ мѣстахъ начали признавать брачную жизнь нравственною и слѣдовательно, такимъ образомъ, возвратились въ лоно того же чистаго поморства, отъ котораго ихъ оторвала распря дьячка Θεодосія. Рижане же, до которыхъ не дошло павловское ученіе, остаются при прежней смѣшенности еодосѣвскихъ и поморскихъ понятій о бракѣ. Они допускаютъ бракъ «по слабости человѣческой» и актъ обрученія у нихъ совершается въ моленной при участіи духовнаго отца, но женатый человѣкъ и замужняя женщина, со дня своего брака, теряютъ право молиться со всѣми вѣстѣ; не могутъ стоять на клиросѣ и вообще, какъ бы пребываютъ подъ вѣчною зпиміею, что по толкованію чистыхъ еодосѣвцевъ и поморцевъ равно отлученію отъ церкви. А подъ старость нѣкоторые изъ нихъ нерѣдко заявляютъ намѣреніе перейти «въ дѣвство», т. е. мужъ съ женою прекращаютъ всякія супру-

жескія сношенія и даже иногда расходятся жить въ разные дома. Всего чаще въ такихъ случаяхъ мужъ поселяется въ богадѣльнѣ, а жена остается дома. Это единственный остатокъ еодосіевскаго духа въ рижанахъ. Неразлучнымъ спутникомъ еодосіевскаго духа идетъ и своя доля еодосѣвскаго лицемерія. Такъ напр. *дѣстотелнозъ*, отправляясь въ субботу въ баню, заходитъ къ женѣ «за вѣникомъ» и остается съ нею наединѣ сколько ему угодно, занимаясь чѣмъ угодно имъ обоимъ. Надъ этимъ смѣются вообще всѣ поморцы и особенно поморцы, наученные Павломъ, поборникомъ чистѣйшаго брака и вообще чрезвычайно нравственнымъ проповѣдникомъ. Но ужъ гдѣ есть еодосѣвская мысль, тамъ всегда есть и всякія ухищренія, оправдывающія или по крайнѣй мѣрѣ покрывающія «свободу восхожденія женъ на ложе мужеское». Слѣдовъ же какого бы то ни было тайнаго вреднаго ученія я не замѣтилъ во Псковѣ и зналъ хорошо какого сорта люди будутъ моими новыми знакомыми въ Рягѣ.

Затѣмъ стояло на очереди дѣло о школахъ. Нѣтъ ни какаго сомнѣнія, что въ Псковѣ есть секретныя школы, но мнѣ ихъ не удалось видѣть, по причинѣ неожиданнаго отъѣзда Хмѣлинскаго въ Петербургъ. Къ тому же необходимость распросовъ о самомъ духѣ псковскаго и рижскаго раскола, можетъ быть, нѣсколько вредила мнѣ въ мнѣніи самаго Хмѣлинскаго, хотя онъ, кажется, совершенно мнѣ вѣрилъ, водилъ въ свою домашнюю моленную, принималъ безцеремоннымъ гостемъ и подарилъ два томка сочиненій Павла. Эти двѣ книжки, напечатанныя въ Пруссіи и привезенныя контрабандою въ Россію, были для меня дорогимъ приобретеніемъ. Онѣ дали мнѣ возможность близко познакомиться съ замѣчательною личностью Павла и духомъ его ученія.

Открыто существующихъ школъ въ Псковѣ было двѣ; одна весьма значительная въ домѣ кушпа Пыльева, а другая не далеко отъ бывшей на берегу рѣки Псковы моленной, обращенной впоследствии подъ солдатскую музыкантскую школу; но оба

эти училища, около 20 лѣтъ назадъ, по распоряженію правительства закрыты, или какъ выражаются псковичи «разорены властью сильныхъ и безбожныхъ». О преподаваніи, бывшемъ въ этихъ школахъ, прямымъ путемъ, узнать было ничего не возможно. Говорятъ одно, что «учили азбучкѣ, цифирю, ариметикѣ, часослову, гѣтъ по полямъ (по солямъ), да и только. Два, три человѣка, съ которыми я сошелся довольно близко, тоже ничего болѣе подробнаго мнѣ не сообщили. Оставалось одно средство: сходитья съ состарѣвшимися учениками уничтоженныхъ правительствомъ школъ и съ женщинами и «мастерницами», т. е. учительницами. Въ этомъ мнѣ вполнѣ посчастливилось. Но ни изъ самаго близкаго и самаго безцеремоннаго знакомства съ бывшими учениками уничтоженныхъ школъ, ни изъ книгъ, по которымъ учились молодыя женщины тепершняго поколѣнія, я не видѣлъ, чтобы въ псковскихъ школахъ все образованіе было направлено къ тому, чтобы внушить дѣтямъ отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никонианамъ». «Отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никонианамъ» существуетъ у псковскихъ раскольниковъ, въ той самой мѣрѣ, въ какой эти чувства питаютъ всѣ безпоповщинскіе старовѣры поморскаго согласія; но это отвращеніе въ молодыхъ сердцахъ воспитывается вовсе не въ школахъ, а въ самой жизни. Не смотря на то, что здѣсь, какъ и вездѣ у раскольниковъ, при обученіи дѣтей употребляются учебники неодобренные правительствомъ, въ этихъ учебникахъ нѣтъ ничего, возбуждающаго неприязненныя чувства къ господствующей церкви. Это — буквари секретной печати (издаваемые въ Польшѣ, Познани и въ какой то казенной или скорѣе можетъ быть въ синодской типографіи, не то въ Москвѣ, не то въ Петербургѣ), старые часословы и старопечатные псалтыри. Буквари секретной печати почти сходны во всемъ съ букварями, издаваемыми по распоряженію Синода для обученія грамотѣ дѣтей раскольниковъ, приписанныхъ къ единовѣрческимъ церквямъ. Даже нѣкоторые учатъ дѣтей и по букварямъ единовѣрческимъ. Что же касается до псал-

тыри и часослововъ то, разумѣется, они отличаются отъ употребляемыхъ въ господствующей церкви только нѣсколько большимъ несовершенствомъ перевода и тяжестью языка до-никоновскаго времени. Ни какихъ полемическихъ выходовъ, ни какого задора, порицанія и глумленія противъ учреждений господствующей церкви тамъ нѣтъ, да и быть-то не можетъ. «Отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никонианамъ» внушается раскольничьимъ дѣтямъ прежде всего дома, матерями, да бабушками, рѣже отцами родными и еще рѣже отцами духовными («бабъками»). Потомъ, смутно понимаемая ребенкомъ разница «древляго благочестія» отъ «новой вѣры», сознается имъ яснѣе при видѣ стѣсненій и гоненій, воздвигаемыхъ никонианами противъ «древляго благочестія». И затѣмъ уже сильное чувство безсильной ненависти воспитывается многочисленными сочиненіями по исторіи преслѣдованій, предпринятыхъ въ теченіи двухъ-сотъ лѣтъ для подавленія невиннаго фанатическаго заблужденія. Этихъ сочиненій, и печатныхъ, и писанныхъ уставомъ и полууставомъ (въ чемъ искусны не одни ученики ковильинской школы), весьма много, и они-то доканчиваютъ дѣло русско-христіанскаго разединенія. Школы здѣсь ровно ни при чемъ. Весь процессъ систематическаго озлобленія раскольничьяго юношества начинается для него *до школы* и оканчивается *за нею*. А чему учатъ въ школахъ, то, снова повторю, ни мало не способно «внушать отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никонианамъ», да и ни книгъ такихъ, по дороговизнѣ ихъ, въ школахъ нѣтъ, и учителя, выбираемые изъ «простецовъ» и людей самыхъ плохенькихъ, слишкомъ слабы, чтобы заниматься такой пропагандой. Кромѣ буквара, часовника и псалтыря, начальъ счисленія, крюковаго гѣнія и письма уставомъ, ни чему не учили въ уничтоженныхъ правительствомъ псковскихъ школахъ и ничему не учатъ у нынѣшнихъ «мастеровъ» и «мастерницъ». Псковскіе раскольники очень сильно мечтаютъ о разрѣшеніи имъ учредить для своихъ дѣтей отдѣльную школу, но у нихъ нѣтъ ни какого опредѣленнаго представленія о томъ: какъ

учредить эту школу и чему въ ней обучать? При всѣхъ условіяхъ поставить псковскаго поморца въ необходимость дать болѣе или менѣе ясный отвѣтъ о его соображеніяхъ на счетъ школы, можно добиться только одного, что школа должна быть отдѣльная; что раскольники не могутъ позволить своимъ дѣтямъ мѣшаться съ «новобѣрами» и что ихъ дѣтей нужно учить непременно по старымъ книгамъ. А учить «по старымъ книгамъ», какъ я уже сказалъ, это значитъ учить букварю, псалтырю да часовнику. Раскольники вообще очень любятъ вздыхать и плакаться на свое невѣжество, ставя его, разумѣется, въ прямую вину правительству и духовенству господствующей церкви; но въ сущности и у нихъ самихъ-то не замѣчается ревности къ образованію своихъ дѣтей. «Всему надо-бы, говорятъ, учить *помелюшкою*; много намъ нетребуется по нашему сословію, а помелюшко бы слѣдовало». Живая русская сметка вслухъ подсказываетъ хранителю «древляго благочестія», что непроглядная тьма фанатическаго заблужденія и негѣпаго буквѣдства не выдержитъ животворящихъ лучей просвѣщенія. Раскольникъ страшно боится этого свѣта. Онъ желаетъ выбрать изъ массы научныхъ знаній для своего юношества исключительно лишь тѣ, которыя бы дали молодому раскольникѣму поколѣнію средства быть поспособнѣе къ ловкому обдѣльванію дѣлъ съ людьми современнаго развитія; но самаго человѣческаго развитія раскольникъ ужасается болѣе страшнаго суда и даже болѣе потери полтинныхъ барышей на рубль, дающихъ средства покупать продажную совѣсть «случайнаго человѣка». Можно утвердительно сказать, что, если дѣло школѣ предоставить самому «древлему благочестію», безъ педагогической инициативы министерства народнаго просвѣщенія, то въ этихъ школахъ будутъ учить только тому же букварю, часовнику и псалтырю, да развѣ прибавятъ малую часть ариметики, такъ какъ это нужно по торговой части, и еще, пожалуй, поучать нѣмецкому языку, потому что онъ также нуженъ по торговой части. Но ни географіи ни исторіи ни, Боже упаси, физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ ни

за что учить не вадумають, такъ какъ все это, по ихъ мнѣнію, вовсе не нужно. Да, не говоря объ этихъ наукахъ, даже всѣ мои усилія доказать необходимость изученія ребенкомъ библейской исторіи прежде скучнаго часовника и вдохновенныхъ, но непонятныхъ ребенку поэтическихъ воздыханій Давида, обыкновенно оставались безуспѣшными. У нихъ есть несчастный, чисто католическій, взглядъ, что «рабу» вовсе не нужно знать евангелія и даже «не достоинъ чести его въ домѣ», а ему слѣдуетъ только молиться и поэтому часовникъ съ псалтыремъ нужнѣе всего.

Въ Псковѣ есть одинъ духовный отецъ («батяка») живущій подъ секретомъ и служащій, какъ мнѣ кажется въ небольшой но прекрасной домовой модельѣ Хмѣлинскаго, ибо общественная молеельня тоже правительствомъ уничтожена. Я не могъ побесѣдовать съ этимъ отцомъ, потому что его не было въ городѣ. Въ средѣ же его пастыа (не говоря о Хмѣлинскомъ) я встрѣталъ невѣжество, поражающее, становящее въ тупикъ и преисполняющее глубокаго сожалѣнія къ этимъ людямъ бродящимъ съ непроницаемою повязкою на глазахъ. Ни исторіи вѣщаго завѣта, ни новозавѣтныхъ событій, ни исторіи собственнаго раскола и разницы его съ другими вѣтвями старовѣрства, почти никто не знаетъ. «Мы по старому», да и все тутъ. Вотъ образчикъ до чего простирается здѣсь раскольникѣ невѣжество: мнѣ удалось сойтись съ однимъ здѣшнимъ умникомъ, начетчикомъ, человѣкомъ лѣтъ 40 или 45. Съ перваго взгляда мнѣ показалось, что я имѣю дѣло съ узколобымъ фанатикомъ, зачятившимся такъ называемыхъ въ древлемъ благочестіи «толстыхъ книгъ». Умникъ тотчасъ началъ вызывать меня на рѣшеніе теологическихъ вопросовъ, разумѣется давно рѣшенныхъ имъ по его «толстымъ книгамъ» и срѣзалъ меня. Говорили мы о Никонѣ, о сугубой аллилуйѣ, о имени іисусовомъ, — во всемъ я оказался свѣдущимъ. «Ну да, говорить мой искушатель, а что какъ вы о мірскомъ имени христовомъ разумѣете?» Послѣ моихъ усилій разъяснить себѣ предложенный вопросъ оказалось,

что у Христа есть еще какое то *мірское* имя. Я говорю: *Иисус*. — Ну это одно. *Христос*. — И это так; а еще? *Еммануил*, ежесть сказуемо съ нами Богъ, говорю я. — Нѣтъ *мірское* то, *мірское*?—добивается мой умникъ. Начего я не могъ придумать и созная свою несостоятельность, просилъ открыть мнѣ это *мірское* имя Иисуса Христа. Оказалось, что по свѣдѣніямъ моего экзаменатора, Христа звали еще «Яковомъ». Отчего же это? Гдѣ на это указанія? Дѣло очень просто. Въ тропарѣ поется, «яко бо прославися, изъ этого сдѣлано «Яковомъ прославился». Впослѣдствіи я слышалъ это сказаніе еще отъ двухъ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ былъ прядильщикъ изъ Орловской губерніи. Къ довершенію должно сказать, что, со времени уничтоженія школъ, въ средѣ псковскихъ раскольниковъ завелось много безграмотныхъ и, если бы здѣсь не Павелъ съ своимъ апостоломъ Хмѣлинскимъ, то псковская община, кажется, давно была бы способна выкинуть такую же штуку, какую отладили тысячи пермскихъ поморцевъ, обращенныхъ одной бабой изъ брачащагося поморства въ безбрачную вѣдосѣвщину. Продажность и неспособность полиціи, благодаря которымъ умный иннокъ Павелъ можетъ навѣщать покинутое отечество, произвели противное. Въ Псковѣ брачатыся, молятся за царя и даже нелюбимѣрно его любятъ, говорятъ о немъ со слезами, но ждутъ отъ него очень многого и прежде всего полной свободы совѣсти, молель, школъ и прочаго.

О предметахъ преподаванія, какъ я уже сказалъ, мнѣ было вѣчего говорить и я сталъ заводить рѣчь объ учителяхъ. На этотъ предметъ у раскольниковъ взглядъ очень ясный и они здѣсь показали себя людьми довольно сговорчивыми. Прежде всего имъ разумѣется, желательно имѣть въ *своей* начальной школѣ *своею* (т. е. раскольника же) и учителя. Но рядомъ систематически приведенныхъ доказательствъ, что у нихъ нѣтъ людей способныхъ выдержать экзаменъ хотя бы на званіе приходскаго учителя, а безъ экзамена учителя нельзя допустить, мнѣ удалось вызвать ихъ на раздумье. Конечно, прежде всего

вышло, что это не ихъ вина; что «это все власть надѣлала», но когда я, устраняя причины, ставилъ только фактъ, существованіе котораго измѣнить уже нельзя и съ которымъ однако надо, что-нибудь подѣлать, то высказалось такое мнѣніе: «учителя можно принять и православнаго, лишь бы по нашему вѣбору, а поа чтобъ духу не было».

Такъ какъ это мнѣніе сильно поддерживаетъ Хмѣлинскій, то я не сомнѣваюсь, что этого же мнѣнія будетъ держаться вся псковская и всѣ окрестныя общины, и будутъ они этого держаться съ тою же настойчивостью, съ какою они при отцѣ своего патрона держались вѣры, которую въ то время мучали. О соединенныхъ же школахъ вмѣстѣ съ православными, здѣсь и слышать не хотятъ и на отрѣзъ говорятъ, что «дѣтей не пустятъ». По моему мнѣнію о такихъ школахъ нечего даже и думать. Это будетъ новая прибавка къ длинному ряду печальныхъ подумѣръ, раздражающихъ народные инстинкты и возбуждающихъ ропотъ и неудовольствіе въ людяхъ, преданныхъ правительству и ожидающихъ отъ него великія и богатія милости. Впослѣдствіи я еще болѣе убѣдился въ этомъ не только изъ столкновений съ раскольниками, но и изъ разговоровъ съ генераломъ Ливеномъ и жандармскимъ полковникомъ Андреевымъ.

Этимъ оканчиваются мои развѣдки въ Псковѣ, который я по счастливой догадкѣ сдѣлалъ предверіемъ моего вступленія въ нѣмецкій городъ русскаго царства.

Раскольники считаютъ въ Ригѣ около десяти тысячъ безповцевъ поморскаго согласія. Это единственный остатокъ повсюду скрытаго и запиханнаго староѣврскаго общинно-хозяйственнаго управленія. Рижскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, между прочимъ объясняетъ крѣпость здѣшнихъ общинныхъ учреждений тѣмъ, что въ Лифляндіи со стороны гражданскаго начальства не было заявлено особенно ревностнаго

содѣйствія духовенству къ искорененію раскола. «Эта мѣра», говоритъ полковникъ Андреевъ о взаимодѣйствіи свѣтской и духовной властей по преслѣдованію раскола въ Лифляндіи, «менѣе чѣмъ гдѣ-либо достигается, ибо представители власти повсюду неправославные, непитающіе ни какого сочувствія къ православію, напротивъ *сострадающіе по принципу вѣротерпимости лютеранской церкви* раскольникамъ, людямъ промышленнымъ, трудолюбивымъ и воздержнымъ».

Я не имѣю довольно дерзости, чтобы сомнѣваться въ основательности соображеній, изложенныхъ рижскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, но не могу не указать на раскольниковъ г. Дерпта. Они живутъ среди того же самаго, вѣротерпимаго и сострадающаго угнѣтаемымъ за вѣру людямъ, лютеранизма, среди котораго живутъ и рижскіе раскольники, но давно утратили самостоятельность, и понынѣ чудеснымъ образомъ сохраненную рижанами. Конечно лютеранское равнодушіе къ доходамъ приходскаго духовенства, консисторій и архіерейскихъ конторъ господствующей церкви значитъ очень не мало, но однимъ лютеранскимъ индиферентизмомъ и вѣротерпимостью врядъ ли возможно объяснить сверхъ естественное сохраненіе рижскою общиною всѣхъ принадлежащихъ ей нынѣ правъ и всѣхъ ея учреждений.

Благодаря тому, что въ настоящемъ случаѣ нѣтъ надобности выяснять и доказывать всѣ соображенія на счетъ чуда, представляющагося нашимъ глазамъ въ видѣ рижской раскольниковей общины, я только считаю нужнымъ упомянуть еще, что въ этой общинѣ есть довольно свободное и весьма нелѣпое хозяйственное управленіе, свой независимый отъ правительственнаго контроля капиталъ, растрачиваемый нерѣдко весьма глупо и глупо, по произволу выборнаго попечителя, распорядкагося этимъ капиталомъ съ патріархальнымъ деспотизмомъ; разное недвижимое имущество, представляющее живой образецъ страшнѣйшей безалаберности русскаго общинно-хозяйственнаго управленія; четыре отца; около тридцати человѣкъ

пѣвчихъ; множество всякаго «Божьяго благословенія» и содомская бездна содомской мерзости, дьявольскаго безстыдія и челоуѣческаго нечестія. Засимъ, ни мало не распространяясь какъ орудуетъ всѣмъ этимъ рижская община, возвращающая къ школамъ.

Той школы, которой такъ завидуютъ иетербургскіе поморцы и съ которою я долженъ былъ знакомиться въ Ригѣ, здѣсь вовсе нѣтъ, да нѣтъ здѣсь вообще и никакой школы дозволенной правительствомъ. Смотри на эту большую и сильную десяти-тысячную общину, съ официальной точки зрѣнія, выходящую, что у нее съ 1829-го года не было никакого общественнаго ученія, ибо съ этого года и школа существовавшая при Гребенщиковскомъ заведеніи и частная школа Дмитрія Трофимова Желтова закрыты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и строго запрещено кому бы то ни было заниматься обученіемъ раскольниковыхъ дѣтей въ отдѣльномъ помѣщеніи. Съ тѣхъ поръ правительство было успокоиваемо, что тринадцать тысячъ его русскихъ подданныхъ, поселенныхъ между нѣмцами, не имѣютъ ни одной русской школы и коснѣютъ въ чудовищномъ невѣжествѣ въ срамъ и поношеніе русскаго имени. Во все время управленія остзейскимъ краемъ князя Суворова, въ Ригѣ не было ни одной раскольниковей школы, а въ смѣшанныя школы старовѣры не посылали своихъ дѣтей и учили ихъ кое-какъ, по два, по три. Въ существѣ расколъ отъ этого ничего не потерялъ, потому что дѣти болѣе или менѣе состоятельныхъ родителей въ это время выучивались тому же самому, чему учили въ Гребенщиковской школѣ; но кромѣ того въ это же время молодые раскольники приняли двойную дозу снадобій, возбуждавшихъ ненависть къ притѣсняющему ихъ правительству и презрѣнію къ усерднымъ исполнителямъ его суровыхъ велѣній. Бѣдность же, которую въ прежнее время, по мѣстному выраженію «подбирали съ улицы въ Гребенщиковскую школу», и которую забирать протосердечный, честный и нынче въ самой даже Ригѣ всѣмъ позабытый Дмитрій Желтовъ, остался

на улицах русскаго предмѣстья, разсыпалась по рвамъ, мостамъ, кабакамъ и публичнымъ домамъ. Современо съ закрытіемъ Гребенщиковской школы въ «винкерахъ» русскаго форштата двѣнадцати-лѣтнія и даже десяти-лѣтнія русскія дѣвочки начинаютъ во весь развалъ заниматься проституціею; пробѣздъ по форштату затрудняется массою ворующихъ мальчиковъ; дѣти устрояютъ воровскія артели; полиція, подъ предводительствомъ полицмейстера Грина, на нихъ нѣсколько разъ охотится; дѣтей ловятъ и они поступаютъ подъ опеку правительства, по распоряженію котораго ихъ записывали въ кантонисты; а въ канцеляріи генералъ-губернатора растутъ толстое «дѣло, по предположенію объ уничтоженіи въ Ригѣ праздничества малолѣтнихъ дѣтей, именуемыхъ *карманниками*» (Началось 11 Юля 1849 года и окончено 23 августа 1857 года, по описи № 151-й).—Наконецъ, голодные и безпріютные мальчики начинаютъ заниматься торговлей, неслыханной въ русскомъ народѣ: является педерастія. Когда я сказалъ, что русское предмѣстіе Риги полно содомской мерзости, я не былъ ни подъ какимъ увлеченіемъ и теперь, говоря, что вся эта мерзость находится въ непосредственной связи съ закрытіемъ школъ, въ которой учились раскольники, я говорю только правду. Если же я сколько нибудь ошибаюсь въ этомъ, то ужъ навѣрно ни на волосъ не ошибаюсь въ томъ, что при открытосуществующихъ школахъ рижцы не находили бы нынѣшняго существоважденія показывать на пьяное молодое поколѣніе «древноуслажденія показывать на пьяное молодое поколѣніе «древноуслажденія показывать на пьяное молодое поколѣніе «древноуслажденія показывать на пьяное молодое поколѣніе до конца ногтей и до ранъ первичнаго сифилиса. По крайней-мѣрѣ тогда нельзя было бы, указывая на безвременное разстлѣніе и погибель дѣтей, приговаривать: «вотъ до чего насъ довело правительство!» а продолженіе Иродовой работы по ивиенію младенцевъ пришлось бы частію брать и на себя, на совѣсть пресловутаго общественнаго попеченія.

Издагаемъ за симъ, что намъ стало извѣстно изъ дѣлъ генералъ-губернаторскаго архива и изъ разсказовъ рижскихъ

старожилловъ объ уничтоженной правительствомъ школѣ при Гребенщиковскомъ заведеніи.

Раскольничья школа существовала въ Ригѣ притакъ называемомъ Гребенщиковскомъ заведеніи, гдѣ она помѣщалась вмѣстѣ съ больницею, пріютомъ для требующихъ общественнаго призрѣнія, большою моленною, пѣвческою и кельями духовныхъ отцовъ. Заведеніе это въ то время состояло въ вѣдомствѣ Рижскаго приказа общественного призрѣнія; школа на общихъ основаніяхъ подчинялась надзору мѣстнаго директора училищъ; а учителемъ въ ней былъ Шкловскій мѣщанинъ Емельяновъ, обучавшій дѣтей чтенію, письму и ариеметикѣ.

Изъ представленія Рижскаго гражданскаго губернатора г. Егора Фонтъ-Фелькерзама генералъ-губернатору барону Палену отъ 15-го августа 1830 года за № 72-мъ видно, что мѣщанинъ Дорофей Дмитріевъ Емельяновъ имѣлъ отъ губернскаго «директора училищъ свидѣтельство, выданное 28 сентября «1828 года за № 649-мъ на право преподаванія въ первоначальной школѣ.»

Правительство не обращало на эту школу никакого вниманія со дня ея основанія, почти современнаго основанію самаго Гребенщиковскаго заведенія, до 1830 года и исторія школы во весь этотъ спокойный періодъ вовсе не занимательна. Наибольшій интересъ она представляетъ не какъ педагогическое учрежденіе, а какъ пріютъ, въ который «подбирали съ улицъ» бѣдныхъ дѣтей. Въ ней учили чтенію, письму, да ариеметикѣ и потомъ, обученныхъ всему этому мальчиковъ пристроивали въ лавки къ торговцамъ, или въ ученики къ ремесленникамъ, а изъ голосистыхъ формировали хоръ для молитвеннаго пѣнія. Изъ разговоровъ съ бывшими учениками Гребенщиковской школы, изъ которыхъ нѣкоторые уже оставили расколъ, я убѣдился что въ этой школѣ, а равно и въ школѣ Желтова, была таже программа, что и въ Псковской школѣ. Умнѣйшіе изъ раскольниковъ, способныхъ мало-мальски оцѣнить достоинства этихъ школъ, не выражаютъ никакого сочувствія ни къ ихъ курсамъ, ни къ ме-

тодамъ преподаванія. Но и они неутѣшно сѣтуютъ о ней, какъ объ учрежденіи, чрезъ которое нынѣ погибающіе «карманщики» все таки могли дѣлаться людьми, способными зарабатывать кусокъ хлѣба простымъ, мало благодарнымъ и очень тяжелымъ, но честнымъ, трудомъ. О какой нибудь политической пропагандѣ или о стремленіи внушать ребенку въ школѣ ненависть къ господствующей церкви, какъ было будто у Ковылина, здѣсь и не помышляли, а учили своимъ «оксіямъ», да «оваріямъ», пока сами не получили послѣдней конечной аваріи.

Какъ и съ какого повода въ Петербургѣ вспомнили о Рижской Гребенщицкой раскольничьей школѣ, я не могъ добиться въ дѣлахъ Рижскаго генераль-губернаторскаго архива. Старикъ П. А. Пименовъ, служащій нынче попечителемъ, говорилъ мнѣ, что обществу вздумалось, будто бы, попросить правительство, не то о субсидіи для школы, не то о расширеніи ея программы и эта-то просьба и была причиною гибели школы. Въ какой степени это вѣрно—отвѣчать не могу, но какъ бы тамъ ни было, а изъ дѣлъ архива видно, что Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій генераль-губернаторъ и попечитель Дерптскаго учебнаго округа, баронъ фонъ-деръ Паленъ, въ августѣ 1830 г. нашелъ себя обязаннымъ «доставить до Высочайшаго свѣдѣнія: съ чьего дозволенія заводить школы совѣтъ «Рижскаго старообрядческаго общества? Какіе учителя находятъ въ означенныхъ школахъ? и имѣютъ ли они законное «на то право?»

Баронъ Паленъ, будучи попечителемъ учебнаго округа, въ которомъ находилась школа, нашелъ сообразнымъ затребовать нужныя ему о ней свѣдѣнія отъ Рижскаго гражданскаго губернатора Егора фонъ-Фелькерзама. Г. фонъ-Фелькерзамъ, хотя и не обязанъ былъ вѣдать дѣла школы ближе попечителя, от-рапортовалъ ему однако (15-го августа 1830 г. № 72), что «совѣтъ Рижскаго старообрядческаго общества нынѣ вновь ни «какихъ школъ не заводитъ, а содержитъ школу при молебнѣхъ «и богадѣльнѣ своей съ самаго основанія послѣднихъ, въ кото-

рой воспитаніемъ дѣтей руководствуется назначеніями изображенными въ правилахъ, утвержденныхъ 20 февраля 1827 г. «предмѣстникомъ барона Палена для управленія богадѣльни, «больницы, сиротскаго отдѣленія и школы Рижскаго старо-«обрядческаго общества, гл. 12, ст. 22, § 114—125 о сирот-«тахъ, новорожденныхъ и подкидышахъ и гл. 13, ст. 23 § 125—«140 объ обязанностяхъ учителя, съ которыхъ (очевидно не съ «обязанностей, а съ правилъ) выписка представляется.»

Вотъ выписка изъ этого интереснѣйшаго и рѣдкаго доку-мента:

ВЫПИСКА

изъ правилъ на управленіе богадѣльни, больницы сиротскаго отдѣленія и школы Рижскаго старообрядческаго общества, утвержденныхъ 20-го февраля 1827 года.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Статья 22.

О СИРОТАХЪ, ПОДКИДЫШАХЪ И НОВОРОЖДЕННЫХЪ.

§ 114.

«Принимаемыхъ въ богадѣльню воспитанниковъ до 8-ми лѣтняго возраста распределять между богадѣленными женскаго пола, наиболѣе здоровыми и хорошаго поведенія, внушая имъ за ними имѣть бдительное смотрѣніе, радѣя объ нихъ какъ «то родители о своихъ собственныхъ дѣтяхъ учинить обязаны «со всею осторожностію и человеколюбіемъ. О таковыхъ при-«нимаемыхъ воспитанникахъ равнымъ образомъ объявлять каж-«дый разъ полиціи, и сверхъ того вести объ нихъ съ большею «точностію книгу, замѣчая въ оной какого именно они вѣро-«исповѣданія.»

§ 115.

«Новорожденныхъ отъ женщинъ принимаемыхъ въ богадѣльню беременными оставлять при матеряхъ. Какъ о семь такъ и вообще о принимаемыхъ новорожденныхъ не токмо вести особой списокъ но и объявлять объ нихъ полици, съ показаніемъ какой религій ихъ родители, есть ли оныя извѣстны.»

§ 116.

«По старовѣрскому обряду можно воспитывать такихъ дѣтей, коихъ родители принадлежали къ старой вѣрѣ, *«вслыж же прочия дѣтей по тѣмъ религіямъ въ коихъ состояли родители ихъ.* Если же о родителяхъ будетъ не извѣстно, въ такомъ случаѣ младенцевъ крестить и воспитать по обряду Грекороссійской церкви.»

§ 117.

«Если разрѣшившаяся отъ бремени женщина тотчасъ послѣ родовъ желаетъ оставить богадѣльню, то обязана новорожденное дитя свое взять съ собою; если жъ желаетъ остаться въ богадѣльни на время и до отнятія дитяти отъ груди, то сіе позволять ей можно; но по прошествіи такового времени и если она здорова, то должна по крайней мѣрѣ сама выходить изъ богадѣльни для снискиванія себѣ пропитанія своими трудами, а малолѣтнее дитя, буде брать съ собою не желаетъ, воспитать въ богадѣльнѣ и отдавать на попеченіе одной изъ богодѣленныхъ наиболѣе здоровой и хорошаго поведенія.»

§ 118.

«Всѣхъ сихъ сиротъ снабжать отъ богадѣльни всѣми потребностями.»

§ 119.

«Воспитательницы, попеченію коихъ такыя малолѣтныя сироты ввѣряются, не токмо не должны ихъ пренебрегать или изуродовать, но напротивъ того съ материнскою любовію пе- щись объ нихъ, какъ были бы ихъ дѣти собственныя, всякій

день по утру и въ вечеру до почиванія умывать имъ лице и руки, а по утру вычесывать имъ волосы и вообще содержать ихъ въ чистотѣ и опрятности, бѣлье перемѣнять еженедѣльно, а если понадобится и чаще, и смотрѣть чтобъ платье и обуви всегда были чѣлые и чтобъ младенцы неходили босикомъ, особливо на дворъ или на улицу. Наблюденіе за симъ возлагается и на попечителя.»

§ 120.

«По достиженіи двухлѣтняго возраста каждому дитяти прививать предохранительную оспу въ назначенное къ тому вращенію время, не оставляя отнюдь ни кого изъ оныхъ безъ прививанія, предпринимаемая оное и съ тѣми кои по нынѣ выше тѣхъ лѣтъ, и привиты еще не были, или же не имѣли натуральной оспы.»

§ 121.

«Для изученія прививанія предохранительной оспы тотчасъ выбрать одного или двухъ оказывающихся къ тому способными изъ прислужниковъ богадѣльни и отдать таковыхъ для изученія къ врачу или же опредѣлить для сего изученаго прививанію по испытанію и назначенію врачомъ.»

§ 122.

«Привитыхъ оспою перемѣщать въ особую комнату, отдѣльную отъ всѣхъ прочихъ здоровыхъ и еще не привитыхъ, дабы послѣдніе отъ первыхъ не были заражаемы.»

§ 123.

«По достиженіи младенцевъ обоого пола восьми лѣтняго возраста, отдавать ихъ въ школу для обученія чтенію, а младенцевъ мужскаго пола и писанію и ариѳметикѣ, по крайней мѣрѣ первыхъ пяти правилъ или спецій.» (!?)

§ 124.

«По достиженіи двѣнадцатилѣтняго возраста обучать ихъ въ религій, заставляя ихъ нѣсколько часовъ ежедневно чи-

«татъ священное писаніе и обучать во всѣхъ отношеніяхъ различать добро отъ зла; истолковывать имъ несчастныя послѣдствія отъ злыхъ, а хорошія отъ добрыхъ дѣяній и, предостерегая отъ первыхъ, содѣлать ихъ тѣмъ полезными гражданами и сочленами гражданского общества. Сверхъ того таковыхъ достигшихъ 12 лѣтняго возраста отдавать купцамъ для обученія торговли, или къ ремесленникамъ, или къ земледѣльцамъ, или же во услуженіе, чтобъ съ одной стороны они могли приобрѣсти познанія, нужныя для полезнаго общежитія и приобрѣтенія промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечивающія ихъ будущее существованіе; съ другой же стороны, чтобъ заведеніе освободилось отъ содержанія ненуждающихся болѣе въ пособіи.»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

статья 23.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ УЧИТЕЛЯ.

§ 125.

«Учитель имѣетъ обязанность наблюдать, чтобы всѣ въ предыдущихъ параграфахъ назначенныя правила на счетъ содержанія малолѣтнихъ сиротъ и дѣтей были выполняемы со всею точностію.»

§ 126.

«Онъ, какъ учитель и воспитатель юношества, долженъ ещѣ и заботиться объ образованіи онаго прилежнымъ обученіемъ и внушеніями нравственныхъ и челоуколюбивыхъ правилъ и тѣмъ содѣлать ихъ полезными сочленами гражданского общества.»

§ 127.

«Ни одно дитя безъ матери, или воспитательницы не должно быть выпускаемо изъ заведенія и за симъ смотрѣть и строго наблюдать учителю.»

§ 128.

«Школьники должны являться въ школу кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней каждодневно по утрамъ съ апрѣля мѣсяца и по октябрь въ семь часовъ, а съ октября мѣсяца и по апрѣль въ восемь часовъ; по полудни же въ часть и пробыть въ школѣ до полудня по двѣнадцатый часть и по полудни до седьмага часу.»

«Если жъ школьники будутъ не изъ богадѣленныхъ жителей въ такомъ случаѣ время прихода ихъ въ школу остается вышеозначенное; для выхода опредѣляется: съ апрѣля по октябрь въ 5-ть часовъ, а съ октября по апрѣль въ 4 часа вечера.»

§ 129.

«Учитель долженъ вести вѣрные списки не токмо ученикамъ своимъ, но и всѣмъ дѣтямъ находящимся въ богадѣльнѣ, не достигшимъ еще учебнаго возраста, не касаясь въ томъ до обязанности попечителя, ведущаго по себѣ списки о всѣхъ жителяхъ въ богадѣльнѣ и больницѣ находящихся.»

§ 130.

«По достиженіи изъ малолѣтнихъ осмыслѣннаго возраста, онъ настаиваетъ объ отдачѣ ихъ въ школу для обученія.»

§ 131.

«Въ школѣ дѣти мужескаго пола не должны сидѣть вмѣстѣ съ таковыми же женскаго пола, а имѣть каждому полу особыя скамейки. Равномѣрно не должны и житьствовать вмѣстѣ, а имѣть каждому полу свои отдѣльные покои.»

§ 132.

«Каждый разъ по приходѣ въ школу и по окончаніи ученія учитель съ учениками своими совершаетъ молитву по обряду христіанства.»

§ 133.

«Дѣти должны обучаться въ означенныхъ наукахъ по § 123 сего положенія; дѣти же женскаго пола въ свободные часы и въ руководляхъ.»

§ 134.

«Изъ обучающихся въ школъ дѣтей, подчиненныхъ во всемъ учителю, безъ вѣдома его никто ни въ какое время изъ заведенія отлучаться не смѣетъ и въ томъ даже попечитель не долженъ употреблять своего вліянія, ибо за поведеніе школь-никовъ отвѣчаетъ одинъ учитель.»

§ 135.

«Въ свободные отъ ученія часы и въ хорошую погоду онъ самъ водить ихъ на прогулки, но наблюдаетъ, чтобы шли «мирно и тихо и никто никуда не отлучался.»

§ 136.

«Къ родственникамъ никого изъ обучающихся дѣтей не «отпускать иначе, какъ ежели сами родственники придуть за «ними, и то только въ праздничные дни и съ дозволенія учи-«теля.»

§ 137.

«По окончаніи наукъ, какъ учителя, такъ и попечители, ста-«раются приготовленныхъ дѣтей отдавать къ добрымъ хозяе-«вамъ во услуженіе, кто къ чему способнымъ окажется, съ под-«пискою, что принимающихъ къ себѣ во услуженіе употреблять «будутъ въ честныя и добрыя занятія и удерживать отъ всякихъ «непозволительныхъ поступковъ.»

§ 138.

«Выпускъ дѣтей разрѣшаетъ совѣтъ и записываетъ всякій «разъ въ журналъ, въ который и заноситъ имя взявшаго кого къ «себѣ во услуженіе.»

§ 139.

«О каждомъ выпускѣ, какъ равно и о каждомъ новорожден-«номъ и подкидышѣ, отъ совѣта въ тотъ же день посылается «объявленіе въ полицію съ испрошеніемъ для послѣднихъ уз-«коненныхъ видовъ».

Не могу объяснить какія соображенія возникли въ Петер-бургѣ по поводу представленія, сдѣланнаго барономъ Паленомъ послѣ собранія этихъ свѣдѣній; но въ Іюлѣ 1832 года попечи-телемъ дерптскаго учебнаго округа получена изъ министерства народнаго просвѣщенія бумага слѣдующаго содержанія :

«Г. министръ внутреннихъ дѣлъ по Высочайшему Госу-«даря Императора повелѣнію, по дѣлу о рижскихъ расколь-«никахъ и ихъ заведеніяхъ, сообщилъ мнѣ, что раскольническая «школа въ Ригѣ не можетъ существовать въ настоящемъ ея «положеніи, ибо учреждена въ противность началъ, на коихъ «заведены народныя школы и управляется учителемъ изъ шклов-«скихъ мѣщанъ, раскольниковъ; между тѣмъ какъ постановле-«ніемъ 1820 года воспрещено выбирать изъ раскольниковъ въ «общественныя должности, а потому еще менѣе можно допу-«стить раскольнику быть наставникомъ юношества, чтобы въ «слѣдствіе сего я принялъ мѣры закрыть оное училище, на «основаніи изданныхъ по сему предмету узаконеній, и не иначе «дозволять учредить вновь школу въ Ригѣ, какъ по уставу «уѣздныхъ и приходящихъ училищъ 8 Декабря 1828 года Вы-«сочайше утвержденному, хотя оный уставъ и не распростра-«ненъ на Дерптскій учебный округъ, но приличнѣе уравнивать «школу сію съ другими подобными въ государствѣ; ибо она мо-«жетъ быть въ Ригѣ и даже во всемъ округѣ одна такая школа.»

«Къ сему г. министръ внутреннихъ дѣлъ присовокупляетъ, «что находящіяся въ означенной раскольнической школѣ, моло-«дѣтные круглые сироты мужскаго пола, какъ могущіе остать-«ся безъ призрѣнія, въ слѣдствіе Высочайшаго повѣленія, бу-«дутъ опредѣлены въ Рижскій баталіонъ военныхъ канто-«нистовъ.»

«Во исполненіе сего Высочайшаго Его Императорскаго «Величества повелѣнія покорнѣйше прошу ваше превосход-«тельство сдѣлать надлежащія распоряженія о закрытіи суще-«ствующей въ Ригѣ раскольнической школы и о не дозволеніи «вновь учредить школу въ Ригѣ, иначе, какъ на основаніи Ус-

«тава уѣздныхъ и приходскихъ училищъ 8 Декабря 1828 года «Высочайше утвержденного, не допуская ни подъ какимъ видомъ, чтобъ учителямъ въ оной былъ назначаемъ раскольникъ.» Подлинное подписалъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія генералъ отъ инфантеріи князь Карлъ Ливенъ (23 Іюня 1832 года № 742).

Баронъ Паленъ, какъ генералъ-губернаторъ и попечитель учебнаго округа возложилъ исполненіе этого распоряженія на того же губернатора фонъ-Фелькерзама.

Г. Егоръ фонъ-Фелькерзамъ взялся за дѣло энергически и 17 октября 1832 года (№ 281) донесъ попечителю слѣдующее:

«Во исполненіе сей Высочайшей воли, бывшая прежде раскольничья школа закрыта и старшины здѣшняго старообрядческаго общества, на общемъ совѣщаніи сего предмета въ присутствіи губернскаго директора училищъ и рижскаго полицмейстера, изъявили готовность устроить означенную школу, на точномъ основаніи вышеприведеннаго устава, и представить въ оное учителя не изъ раскольниковъ къ губернскому директору училищъ на испытаніе.»

«Какъ исполненіе сего со стороны ихъ замедлилось, то я 24 минушаго сентября, предписывалъ рижскому полицмейстеру понудить старшинъ къ исполненію ихъ обѣщанія, съ тѣмъ, что если въ теченіе 8 дней-оно не будетъ исполнено, то подвергнутся строгой отвѣтственности.»

«Нынѣ попечители убогаго заведенія рижскаго старообрядческаго общества представляютъ мнѣ, что общество отказало *«въ выборъ учителя въ ихъ школу, не изъ раскольниковъ, по тому что, якобы, не имѣетъ способовъ производить ему нужное содержаніе, и опредѣлило закрыть лучшия сію школу вовсе.»*

«А какъ учрежденіе сей школы на основаніи устава уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и опредѣленіе въ оную знающаго учителя не изъ раскольниковъ требуются по Высочайшей волѣ, то отъ меня предписано вмѣстѣ съ симъ рижскому полицмейстеру объявить старообрядческому обществу, что

«если они сами не изберутъ таковаго учителя, то онъ будетъ назначенъ въ школу по выбору губернскаго учебнаго начальства, и именно на ихъ счетъ, потому что школа сія учреждается единственно для ихъ и общества, въ такомъ случаѣ будетъ сдѣлана на нихъ раскладка.»

Но энергія ливляндскаго губернатора, столкнувшись съ непреклонностью русскаго раскола, не имѣла желаннаго въ Петербургѣ успѣха. Дѣло тянулось; баронъ Паленъ настаивалъ на немедленномъ выполненіи петербургскихъ требованій у г. Егора фонъ-Фелькерзама; г. Егоръ фонъ-Фелькерзамъ въ свою очередь понуждалъ полицмейстера, а полицмейстеръ подшоривалъ общественныхъ старшинъ, и наконецъ-то, 18 ноября 1832 года, послѣдніе подали полицмейстеру нижеслѣдующее *«требованное покорнѣйшее объясненіе»:*

«Его высокоблагородію, господину рижскому полицмейстеру подполковнику и кавалеру Ивану Павловичу Вакульскому 2-му,

отъ попечителей убогаго и больничнаго заведенія Рижскаго Старообрядческаго общества,

требованное покорнѣйшее объясненіе

«Ваше высокоблагородіе, изволили требовать, чтобы мы объяснились о томъ, сколько въ случаѣ, если наше старообрядческое общество желаетъ имѣть школу въ нашемъ убогомъ заведеніи, можно опредѣлить на покупку книгъ, жалованье учителю, ежегодное содержаніе и прислугу особую, приличную для учителя квартиру и чѣмъ можно обезпечить впредь такой доходъ.

«Ссылаясь на поданное уже 14 октября его превосходительству господину Ливляндскому гражданскому губернатору покорнѣйшее представленіе, имѣемъ мы честь представить вашему высокоблагородію еще слѣдующее:

«Для исполненія вышеписаннаго вашего требованія, созыва-

ли мы еще 24 октября и 16 числа сего ноября, членовъ старообрядческаго общества, и сообщивъ имъ упомянутое требованіе, приглашали ихъ объявить свое намѣреніе касательно содержанія школы въ семь убогомъ заведеніи, съ объясненіемъ или назначеніемъ: изъ какихъ источниковъ можемъ мы получить нужныя средства на исправленіе вышеозначенныхъ расходовъ къ содержанію школы и учителя, какъ поступающія въ сіе убогое заведеніе добровольныя подаянія имѣютъ назначенную цѣлю единственно призрѣніе и продовольствіе содержимыхъ въ семь заведеніи убогихъ и больныхъ и недостаточны даже на сіе необходимыя потребности; бывшее жъ доселѣ въ семь заведеніи обученіе членовъ старообрядческаго общества и въроисповѣданія нѣсколькихъ бѣдныхъ старообрядческихъ дѣтей первоначальнымъ основаніямъ грамоты по древнепечатаннымъ духовнымъ книгамъ происходило изъ усердія безденежно, не причиняя сему убогому заведенію дальнѣйшихъ расходовъ.

«На сіе бывшіе въ собраніяхъ члены старообрядческаго общества, ссылаясь на изложенныя уже въ вышеупомянутомъ намѣмъ представленіи его превосходительству отъ 7 октября обстоятельства, объявили, что если не благоугодно будетъ высокому началству, дать или исходатайствовать намъ въ выпшемъ мѣстѣ позволеніе, продолжатъ въ семь убогомъ заведеніи обученіе грамотѣ старообрядческихъ дѣтей, избираемыхъ изъ сего же общества и въроисповѣданія членомъ, въ силу Высочайшаго указа отъ 8 декабря 1828 года, подъ надзоромъ губернскаго господина директора училищъ, по прежнему безденежно, и изображеннымъ уже въ представленіи намѣмъ образомъ и порядкамъ, то старообрядческое общество не желаетъ вовсе имѣть въ немъ школу на иномъ основаніи, а для обученія дѣтей своихъ грамотѣ и наукамъ будетъ пользоваться предоставленнымъ каждому сословію и партикулярнымъ лицамъ способами: посылать дѣтей своихъ по удобности для каждого обывателя въ разсужденіи жительства и другихъ обстоятельствъ

въ народное Екатерининское и другія общественныя училища и въ партикулярныя школы.

«Сверхъ же сего, будемъ мы посылать и находящихся въ семь убогомъ заведеніи до десяти сырыхъ дѣтей, для перваго обученія грамотѣ въ приличную изъ состоящихъ въ здѣшнемъ мѣстѣ школу.

«Имѣя честь донести о семь по требованію вашего высокоблагородія, съ высокопочитаніемъ пребываемъ,

Вашего высокоблагородія,
покорнѣйшіе

Попечители старообрядческаго убогаго заведенія:

Иванъ Игнатій Лисицынъ
Андрей Семеновъ Пуговишниковъ
Павелъ Даниловъ
Никонъ П. Волковъ
Павелъ Егоровъ Леонтьевъ.»

«Рига 18 ноября
1832 года.»

Обстоятельство это поставило губернатора г. Егора фонъ-Фелькерзама въ положеніе довольно затруднительное. Онъ, не выразивъ никакого собственнаго мнѣнія, что бы слѣдовало сдѣлать въ настоящемъ случаѣ, а представилъ приведенное мною «*требованное покорнѣйшее объясненіе*» барону Палену (24 ноября 1832 года № 292) «на благоусмотрѣніе», докладывая, что онъ, г. Егоръ фонъ-Фелькерзамъ, будетъ имѣть честь ожидать предписанія.

Конечъ концовъ былъ тотъ, что, не стѣняясь правилами утвержденными для рижской общины генераль-губернаторомъ маркизомъ Паулуччи, школу Гребенщиковскаго заведенія закрыли, а новой, устроенной сообразно общимъ правиламъ, раскольники не приняли.

Результаты этого распоряженія были многообразны и многообразны самыми разнообразными послѣдствіямъ. Раскольни-

ки, разумеется, обманули правительство, уничтожившее их школу и предложившее им завести другую с православными учителями. Чтобы отвязаться от докучных придирок, раскольники обещали посылать детей в общія школы и не посылали их туда. Шесть, семь человек, такъ сказать раскольниковыхъ аристократовъ и полу-нѣмцевъ составляютъ слишкомъ незначительное исключеніе, да и тѣ послали дѣтей не въ русскія училища, куда ходятъ дѣти православныхъ, а въ частныя школы къ нѣмцамъ. Гонимые своими православными соплеменниками и эти раскольники скорѣе обращались къ нѣмцамъ, болѣе полагаясь на ихъ лютеранскій индеферентизмъ, чѣмъ на вѣротерпимость русскаго православія. Правила маркиза Паулучи упразднены весьма оригинальнымъ образомъ. Онѣ были употреблены для дополненія и не возвращены*). Видѣно нихъ даны новыя правила, устранившія прежнюю коллегіальность общиннаго правленія и сосредоточившія все въ рукахъ одного попечителя, нѣбующаго за плечами у себя другаго попечителя отъ правительства. Бѣдныя дѣти стали болтаться безъ всякаго призора, предаваясь съ самаго ранняго дѣтства крайнему разврату. Община съ ужасомъ смотрѣла на страшную картину и ясно предвидѣла еще худшую, но все таки оставалась непре-

*) Правила эти никогда не были напечатаны и я полагаю, что экземпляръ подписанной маркизомъ Паулучи и хранящейся въ прибалтійскомъ генералъ-губернаторскомъ архивѣ едва ли не единственный экземпляръ. Замѣчательно, что не только остзейскіе чиновники, но даже сами раскольники совершенно не знакомы съ этими правилами, допускаящими не только коллегіальное правленіе, но и *печатаніе отчета*. Последній разъ выборные люди рижской общины напечатали свой отчетъ въ 1829 году. У меня есть единъ экземпляръ этого изданія, составляющаго явче большую рѣдкость, даже въ самой Ригѣ, и изъ этого отчета я убѣдился, что «Совѣтъ Рижскаго старообрядческаго общества, учрежденный на основаніи статей 1818 года августа 13 дня» управлялъ общественными дѣлами совѣтъ по иному, какъ стали управлять ими попечители. Напримѣръ, тѣ все печатали, а эти считаютъ несомнѣтельнымъ съ своимъ достоинствомъ допустить даже обривозваніе денежных книгъ выборными людьми, не смотря на то, что два случая затраты общественныхъ денегъ не въ общественную выгоду и ходящія по городу толки, давно говорить о необходимости произвестъ хорошую ревизію по всему управленію общественнымъ имуществомъ и богадѣльней.

клонною. Дѣтямъ открывалась широкая дорога къ гибели; съ каторгой въ перспективѣ; но ихъ охотнѣе выпускали на эту печальную дорогу, чѣмъ въ православную школу.

Въ 1849 году деморализація раскольниковъ молодежи въ Ригѣ достигла до апофеоза. 30 апрѣля 1838 года послѣдовало повелѣніе объ обращеніи въ кантонисты сиротъ, бывшихъ въ упраздненной школѣ; а 11 іюля 1849 года князь Суворовъ просилъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго «ходатайствовать о дозволении распространить въ Ригѣ безъ изытанія на всѣхъ бродяжничающихъ и нищенствующихъ по городу малолѣтнихъ раскольниковъ право 30 апрѣля 1838 года» (т. е. отдавать ихъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ). Ходатайство свое объ этой мѣрѣ князь Суворовъ подкрѣплялъ тѣмъ, что «число бездомныхъ и безпріютныхъ раскольниковъ въ Ригѣ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ «*карманщиковъ*», постоянно возрастаетъ и время отъ времени становится большою тягостью для общества. Городская полиція, писалъ князь, безсилна, чтобы съ успѣхомъ слѣдить за «вреднымъ классомъ карманщиковъ.» Этотъ «вредный классъ», по расчету, выходитъ—поколѣніе раскольниковъ, народившееся послѣ уничтоженія въ 1832 году гребенчиковской школы, изъ которой было принято правиломъ пристривать дѣтей къ мѣстамъ. Община, никогда не бросавшая своихъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ, теперь немогла ничего для нихъ сдѣлать, а власть, находя себя не въ силахъ «подобрать дѣтей», какъ *подбираю* ихъ общество, рѣшилась покончить съ ними, сдать ихъ въ кантонисты.

Ходатайство князя Суворова, шедшее чрезъ Л. А. Перовскаго, было уважено. Стонъ, плачъ и сѣгованіе огласили московское предмѣстіе. «Это былъ плачъ въ Рамѣ», говорятъ старики раскольники на своемъ торжественномъ языкѣ. «Рахиль рыдала о дѣтяхъ своихъ и не хотѣла утѣшиться.» Вызванныя бездомными и ни чѣмъ необученными дѣтьми суровыя мѣры шли одна за другою, одна другой круче, одна другой неожиданнѣе. Того же 11-го іюля, когда князь Суворовъ, за № 807,

просилъ Льва Алексѣевича Перовскаго ходатайствовать объ отдачѣ раскольничьихъ сиротъ въ кантонисты, онъ за № 808 предписалъ рижскому полицмейстеру «немедленно, но съ осторожностью, внезапно и совершенно негласно, взять въ распоряженіе полиціи круглыхъ раскольничьихъ сиротъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ.» Въ списокѣ взятыхъ по этому распоряженію сиротъ есть дѣти обоаго пола, включительно отъ двухъ съ половиною до девятнадцати лѣтъ. Даже, не знаю ужъ по какимъ соображеніямъ, въ числѣ малолѣтнихъ была взята купеческая дочь Евдокія Лукьянова Волкова, 21-го года. Все это имѣло ужасное впечатлѣніе на раскольниковъ и вѣзбалось въ ихъ памяти огненными чертами. Есть донесеніе полицмейстера Грина (5 ноября 1849 года за № 2862-мъ), изъ котораго видно, что дѣти, не смотря на позднюю, суровую осень, прятались въ незапертыхъ холодныхъ балаганахъ на конномъ рынкѣ, гдѣ ихъ и находили ночные патрули, доставляя оттуда прямо въ полицейскую чижовку. Забираемые дѣти, чаще всего были совершенно нищіе. Такъ ночью подъ 5-е ноября были взяты семь мальчиковъ, у которыхъ все имущество заключалось въ однихъ мѣшкахъ.

26 ноября 1849 года, за № 5752, графъ Перовскій уведомилъ князя Суворова, что «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ распространить правило 30 апрѣля 1838 года на всѣхъ бродяжничествующихъ, даже и на православныхъ.»

Забранныхъ дѣтей, съ нѣкоторыми усиленными этапными предосторожностями, препроводили по пересылкѣ въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ въ Псковъ, и тамъ сдали ихъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ.

2-го января 1850 года опять были взяты какіе-то однанадцать карманщиковъ, но ихъ князь Суворовъ велѣлъ отослать къ духовному начальству для присоединенія къ православію, а епископъ Платонъ поручилъ совершить это присоединеніе священнику Благовѣщенской церкви Свѣтлову.

Священникъ Свѣтловъ убѣждалъ въ истинахъ православія весьма успѣшно. 23-го января 1850 года преосвященный епископъ Платонъ прислалъ къ Суворову нижеслѣдующую росписку:

«Мы нижеподписавшіеся рижскихъ умершихъ мѣщанъ дѣти: Іосифъ Ивановъ (четыринадцать лѣтъ), Василій Васильевъ (восемь лѣтъ), Назаръ Семеновъ (двѣнадцать лѣтъ), Леопольдъ Семеновъ (девяти лѣтъ), Татьяна Оедорова (десяти лѣтъ), Марина «Лещева (восемь лѣтъ), Екатерина Филатова (восемь лѣтъ) и «Федосья (восемь же лѣтъ), симъ изъявляемъ рѣшительное наше «намѣреніе изъ раскола присоединиться къ православію Каоо-«лическія восточныя церкви и общаеся быть въ послушаніи «ея всегда неизмѣнно. Января 16 дня 1850 года». «Къ сему показанію вмѣсто неграмотныхъ вышеозначенныхъ дѣтей ро-«писался мѣщанинъ Михаилъ Яковлевъ». «Кромѣ означенныхъ въ показаніи сиротъ 17-го января еще присоединены младе-«нецъ Іоаннъ *двухъ съ половиною лѣтъ*». Подписали: кварталь-«ный надзиратель Станкевичъ 2-й, свидѣтель — орловскій мѣща-«нинъ Оедоръ Тихоновъ Дмитріевъ. Показаніе отбিরали, риж-«скія Благовѣщенскія церкви: священникъ Сергій Свѣтловъ, дьяконъ Нилъ Назаревскій, дьячекъ Иванъ Кедровъ.»

Къ довершенію искренности этого «присоединенія» или какъ раскольники говорятъ «примазыванія», бывали случаи сопротивленія присоединяемыхъ. Такъ напримѣръ, даже при присоединеніи этихъ самыхъ изъяснившихъ священнику Свѣтлову дѣтей, свое рѣшительное намѣреніе присоединиться изъ раскола къ православію, случилась исторія, о которой рижскій полицмейстеръ полковникъ Гринъ, 20 января 1850 года за № 35 («дѣло о карманщикахъ»), «доносилъ такъ: тетка сиротъ Назара «и Леона Семеновыхъ, здѣшняя рабочая, раскольница Домна «Семенова, во время присоединенія, нѣсколько разъ сильнымъ «образомъ вривалась въ церковь, произнося ропотъ съ шумомъ. «А сестра сироты Василья Васильева, здѣшняя рабочая, ра-«скольница Федосья Иванова у церкви и при выходѣ изъ оной «ея брата, идучи за нимъ по улицамъ, громко плакала.»

Потомъ еще испр. должн. рижскаго полицмейстера, 13 февраля 1850 г. № 87, донесъ кн. Суворову, что на данное помощнику квартальнаго надзирателя Винклеру порученіе представить мальчика Андриана Карпова Михѣва для присоединенія, онъ рапортовалъ, представляя Михѣва и его сестру, здѣшнюю рабочую Марфу Карпову Михѣву, что «послѣдняя дорогою къ церкви всячески старалась брата своего отклонить отъ присоединенія, выразивъ при томъ: хоть и голову тебѣ отрѣжутъ — неподдайся. Притомъ она громкимъ плачемъ возбудила вниманіе проходящей публики и нѣсколько человѣкъ сопровождали ее къ церкви. По прибытіи на мѣсто Марфа Карпова Михѣва насильно ворвалась въ церковь, стала позади своего брата, произнося жалобы и, когда священникъ хотѣлъ приступить къ обряду присоединенія, Андрианъ Карповъ сего не дозволилъ, такъ, что св. миропомазаніе должно было оставить.»

«По учиненіи таковаго поступка Михѣвъ и его сестра отведены подъ арестъ. Послѣ же того Андрианъ Карповъ Михѣвъ объявилъ, что онъ обдумалъ и просилъ представить его священнику, что тотчасъ и учинено и онъ безъ всякаго помѣшательства присоединенъ. Сестра же его содержится при полиціи.»

Чиновникъ особыхъ порученій прибалтійскаго генералъ-губернатора графъ Сологубъ, 24 іюля 1860 г. за № 5, прислалъ кн. Суворову донесеніе, ходящее между раскольниками въ тысячѣ сѣнсковъ. Я здѣсь приведу только нѣкоторыя мѣста этого очень большаго донесенія: «Принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла раскола, пишетъ графъ Сологубъ, существуетъ, собственно по имени, а на дѣлѣ отступленія отъ сего принципа повторяются безпрестанно. Высылка людей по этапамъ на увѣщаніе, запечатываніе и разореніе молеленъ, отбирание книгъ, иконъ и вещей, отлученіе дѣтей отъ родителей, ж-нь отъ мужей, стариковъ отъ семействъ, ссылка наставниковъ, заключеніе ихъ въ тюрьмахъ — всѣ эти случаи имѣющіе свой источникъ въ похвальномъ рвеніи къ православію, но не подлежащіе законности су-

дебныхъ приговоровъ, не подходятъ подъ правило невмѣшательства во внутреннія дѣла раскольниковъ. Справедливо было бы выразить, что принципъ невмѣшательства соблюдается не для внутреннихъ, а для внѣшнихъ дѣлъ раскола.»

2.

«Что церковь лишаетъ своего благословенія отступниковъ отъ православія, оно естественно и понятно, но чтобы мірская власть преслѣдовала семейное начало, коимъ единственно можетъ держаться гражданская жизнь, чтобы она не противодействовала явленіямъ внутренняго общественнаго и слѣдовательно государственнаго разрушенія, чтобы она добровольно лишила себя права водворить гражданскій порядокъ тамъ гдѣ порядокъ церковный сдѣлался пока невозможнымъ, это объясняется только безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, безпредѣльной преданностью церкви и можно сказать увѣренностью, что семейное начало въ русскомъ народѣ, такъ сильно, что не смотря на возможность уклониться отъ него, ничто не истребитъ его совершенно.»

«Въ этомъ отношеніи смѣло утвердить слѣдуетъ, что первенство духовной власти, не достигая собственной цѣли, препятствуетъ, при совокупныхъ дѣйствіяхъ, власти свѣтской достигнуть цѣли возможной и тѣмъ въ послѣдствіи содѣйствовать самой церкви.»

3.

«Въ 1834 году книги отобраны. Преосвященный Иринеархъ выразилъ правило, что слѣдуетъ тѣснить раскольниковъ въ самыхъ обрядахъ богослуженія, чтобы имъ дать почувствовать необходимость присоединенія къ единовѣрческой церкви. Въ слѣдствіе того школа была уничтожена, двѣ молельні закрыты, но третья оставлена. Рижскіе раскольники не воспользовавшіеся въ 1822 году правомъ скрѣплять законно свои браки, въ послѣдствіи сами о томъ многократно просили, но, несмотря на усиленное ходатайствованіе главнаго начальства, имъ было постоянно отказываемо.»

«Тутъ возникла явная несообразность. То что сперва требовалось и потомъ запрещалось въ Ригѣ, гласно допускалось въ Динабургѣ. Наставникъ тамошней часовни не только имѣлъ позволеніе совершать браки и записывать ихъ въ книгу, но выдавалъ брачныя свидѣтельства, скрѣпляемые мѣстною полицією, по предписанію губернскаго правленія.

«Въ 1837 году раскольникъ Наумовъ просилъ позволенія у г. генералъ-губернатора обвинять своего сына въ мошелевѣ, такъ какъ въ Динабургѣ ихъ болѣе не пускали, а совершать браковъ по ихъ обрядамъ имъ никогда воспрещено не было. Просителю объявлено, что со стороны мѣстнаго начальства, по существующимъ правиламъ, пренятствія къ тому не предвидится. Снова возникло недоразумѣніе, въ коемъ раскольники были, конечно, не виноваты. Бракъ совершенъ при общей ихъ радости, уступившей скоро гнѣву пресвященнаго, требовавшего, чтобы всѣ раскольниковыя супружества были объявлены незаконными, всѣ ихъ дѣти незаконнорожденными и лишеными права наслѣдства.»

4.

«Въ 1838 году отобраны у расколицы Леоновой, не смотря на ея сопротивленіе, трое дѣтей и присоединены къ церкви по той причинѣ, что они были прижиты незаконно. Это самое условливалось, что раскольники могутъ имѣть дѣтей законныхъ, но законъ о томъ умалчиваетъ. Постановленіе же о крещеніи незаконныхъ расколицыныхъ дѣтей въ православіе дѣйствительно существуетъ. Но могутъ ли быть законныя дѣти тамъ, гдѣ нѣтъ хотя гражданскаго законнаго брака? Что тутъ должно служить руководствомъ? Куда слѣдуетъ приписывать новорожденныхъ?—Въ 1837 году были сдѣланы, по сему предмету, въ Ригѣ нѣкоторые мѣстныя распоряженія, требовавшія продолжительныхъ формальностей, и до того взволновавшія раскольниковъ, что одна женщина хотѣла, при общемъ крикѣ, бросить мертваго некрещенаго младенца въ ноги частнаго пристава.»

5.

«Нынѣ въ Ригѣ, сколько извѣстно, раскольники могутъ, но не обязаны, объявлять свои браки въ полицію.

«Въ Дерптѣ браковъ не записываютъ, на томъ основаніи что они не законны.»

6.

«Въ Дерптскомъ уѣздѣ высланы изъ разныхъ мѣстъ 8 наставниковъ, нѣкоторые уже умерли въ ссылкѣ и считаются пострадавшими за вѣру. Кроме того 8 мошелей закрыто. Въ настоящее время между дерптскими раскольниками нѣтъ ни одного отвѣтственнаго по расколу лица, и ни одного молитвеннаго дома, гдѣ бы они могли собираться. Такимъ образомъ, не смотря на правило невмѣшательства и неоднократно повторенное положеніе, что раскольникамъ не воспрещается исполнять свои требы, средства къ исполненію таковыхъ требъ у нихъ отняты. Имъ остается или обратиться къ единовѣрью, или укореняться еще болѣе въ чувствахъ своего кореннаго непокоренія, тайно выбирать себѣ въ наставники первыхъ появившихся ни за что неотвѣтственныхъ людей, и наконецъ не столько удалаться еще болѣе отъ началъ порядка, но обратиться къ явному разврату и пьянству, доселѣ бывшихъ неизвѣстными.»

7.

«Дерптскіе раскольники не имѣютъ предъ закономъ ни наставниковъ, ни мошелей, ни женъ, ни дѣтей, ни правъ, ни обязанностей! Они не возвышены до степени разумнаго общества, а унижены до степени стада безъ пастыря. А потому правственность ихъ должна упадать съ каждымъ днемъ, что дѣйствительно и замѣчено.

«Всѣ вышеприведенныя обстоятельства могутъ уже нѣкоторымъ образомъ пояснить съ какими послѣдствіями бываютъ сопряжены неточность и негласность узаконеній тамъ, гдѣ точность и гласность въ особенности необходимы, и почему гражданская организація раскола была бы событіемъ вполне желательнымъ. Она бы положила конецъ мнимымъ преслѣдо-

ваніямъ, которыми раскольникі гордятся, и между тѣмъ лишилась бы ихъ дѣйствительныхъ выгодъ, которыми они весьма сознательно пользуются.»

3.

«Смѣю думать что безошибочно можно вывести слѣдующія заключенія:

Расколу содѣйствуютъ три причины:

- 1) историческое озлобленіе противъ духовенства,
- 2) невѣжество,
- 3) выгодная неопредѣлительность постановленій.

«Если причины оказываются вѣрными, дѣйствія противъ нихъ выказываются сами собой. Онѣ обуславливаютъ:

- 1) совершенное отдѣленіе, въ дѣлѣ раскола, власти духовной отъ власти гражданской, имѣющихъ дѣйствовать не совокупно, а одновременно, съ тѣмъ чтобы церковь содѣйствовала обращенію словомъ, поученіемъ, молитвой, любовью, примѣромъ, а мѣстныя полиціи соблюденіемъ опредѣленнаго порядка;
- 2) учрежденіе школъ обязательныхъ для всѣхъ раскольниковыхъ дѣтей;
- 3) изданіе правилъ для руководства мѣстныхъ властей и извѣстности самимъ раскольникамъ.

«Осуществленіе подобныхъ мѣръ представляетъ однако немаловажныя затрудненія. Мысль, что можетъ возникнуть неосновательный упрекъ въ замѣненіи таинствъ полицейскими распоряженіями, опасеніе неудовольствія духовенства, боязнь открыть народу новый источникъ соблазна, недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и образованныхъ сельскихъ священникахъ, ненадежность полицейскихъ орудій, — таковы суть препятствія останавливающія гражданскую организацію раскола. Но эти препятствія встрѣчаются болѣе для великороссійскихъ губерній. Для остзейскихъ они не существуютъ — по крайней мѣрѣ не въ равной силѣ.

«Остзейскимъ губерніямъ принадлежитъ высокая честь стоять въ челѣ нашего государственнаго благоустройства. — Унич-

тоженіе крѣпостнаго права, водвореніе обязательнаго народнаго образованія, дѣятельность высшихъ училищъ, образцовое учрежденіе городскихъ обществъ и земскихъ полицій, уваженіе сословій къ своимъ правамъ, развитіе сельскихъ хозяйствъ, пріуспѣяніе общественной нравственности, — таковы послѣдствія долгаго историческаго развитія и благодѣтельныхъ правительственныхъ мѣръ.

«Но при общей опредѣлительности правъ, обязанностей и отношеній нельзя не сознать, что постановленія о проживающихъ въ остзейскихъ губерніяхъ раскольникахъ одни только не согласуются съ строиностью прочихъ частей управленія.

«Между тѣмъ число раскольниковъ незначительно, большинство жителей протестанты, для которыхъ наружное снисхожденіе по расколу, не представляетъ опасности; русскаго духовенства нужно немного. На полиціи положиться можно.

«Элементарныя школы учреждены въ каждой деревнѣ, примѣръ передъ глазами. Заимствованіе будетъ не трудно.»

9.

«Въ Дерптѣ нѣкоторые раскольники посылаютъ уже дѣтей своихъ въ нѣмецкія училища, сами говорятъ и понемѣчки и поэстонски, бывають у православныхъ священниковъ, и одинъ изъ нихъ, предполагаемый ихъ тайный наставникъ, торгуетъ табакомъ, треклятымъ, по мнѣнію поморской секты, зельемъ.»

10.

«Обращенія совершаются большей частью или посредствомъ браковъ, или по насильственному миропомазанію дѣтей, коихъ родители нѣкогда принадлежали къ православію, причемъ законъ давности не соблюдается.

«Если раскольникъ, напримѣръ, пожелаетъ жениться на православной, церковь вѣнчаетъ ихъ и записываетъ раскольника въ число обращенныхъ; но многіе опыты доказываютъ, что, при

таких случаях, послѣ вѣнчанія не мужъ становится православнымъ, а жена переходитъ въ расколъ *).

«Съ дѣтьми же, долженствующими по метрическимъ книгамъ принадлежать къ православію, дѣйствія духовно-полицейской власти принимаютъ иногда свойства жестокости, несогласной ни съ милосердіемъ церкви, ни съ духомъ времени.»

11.

«Въ комнату мою ворвались крестьянинъ и крестьянка, съ воплемъ и слезами кинулись на полъ и начали просить защиты противъ Носовскаго священника. Сбѣжавшаяся моя семья не могла утѣшить почти ослѣпнувшую, рыдающую мать, вопиющую, что у нее отнимаютъ дѣтей.

«По сдѣланной мною справкѣ, дѣло подтвердилось.

«Крестьянинъ деревни Ротчина Осипъ Васильевъ Дектяниковъ, хотя и утверждаетъ что онъ родился отъ родителей всегда бывшихъ въ расколѣ, но записанъ по метрическимъ книгамъ дерптской Успенской церкви родившимся въ 1810 году, и крещенъ въ православіи.

«Это послужило поводомъ, что черезъ 47 лѣтъ, т. е. въ 1857 году дѣти его были вытребованы къ увѣщанію по представленію Носовскаго священника. Дѣтей было трое: Иванъ 16 лѣтъ, Василій 13, и Андрей 1 года. Старшій, нѣмой и подверженный эпилептическимъ припадкамъ, оставленъ въ покоѣ; но Василій и неразумный еще Андрей были перекрещены. Послѣдній не могъ очевидно понять, что съ нимъ дѣлали, но тринадцатилѣтній Василій, какъ показываетъ его отецъ, *тотчасъ кинулся въ прыжокъ, чтобы смочь съ себя священническую печать дара духа святаго.*

«На основаніи сего присоединенія къ церкви, высшей властью постановлено, чтобы обращенныхъ дѣтей Дектяникова у него отобрать и передать на воспитаніе православнымъ родственникамъ или опекунамъ. Родители дѣтей скрывали и нынѣ они или

* Лучшимъ доказательствомъ ничтожества такихъ обращеній служатъ попытки присоединенныхъ просить правительство о возвращеніи сына въ расколъ.
Н. Я.—св.

должны остаться одни съ глухонѣмымъ эпилептическимъ сыномъ, или, какъ во время гоненій, прятать своихъ другихъ дѣтей отъ преслѣдованій священниковъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что въ крестьянскомъ быту, подростоющіе дѣти составляютъ рабочія силы, и что отлученіе ихъ изъ дома поражаетъ не только чувство природы но и хозяйственные выгоды крестьянъ.

«Вышеприведенное дѣло, передъ которымъ слабѣетъ извѣстный случай еврейскаго мальчика Мортары, возбуждавшій негодованіе всей просвѣщенной Европы, къ сожалѣнію далеко не единственный въ семь родѣ.

«Кто, въ приведенномъ случаѣ, возбуждаетъ сочувствіе, — раскольникъ или священникъ? Значеніе церкви такъ велико, такъ свято, что всякое насиліе въ ея пользу не только ее оскорбляетъ, но явно вредитъ ей.

«При этомъ надо замѣтить, что мѣстныя земскія полиціи тѣмъ строже исполняютъ свою обязанность, чѣмъ болѣе внутренно чувствуютъ къ ней отвращеніе! Боясь показать незаконное потворство, они держатся буквального смысла данныхъ имъ предписаній. Такъ какъ раскольники часто укрываются бѣгствомъ отъ грозившихъ имъ увѣщаній, то по сему поводу, учреждены были не рѣдко, по отзыву земскихъ властей, *настоящій на нихъ облавы.*

«Въ видахъ осторожности, ихъ часто содержатъ подъ стражей, ведутъ въ кандалахъ, по этапамъ, какъ преступниковъ, при чемъ и обращеніе съ ними полицейскихъ очевидно грубо до жестокости.

«Духовенство ссылается на то, что по религіознымъ убѣжденіямъ преслѣдованій нѣтъ. Но развѣ содержаніе въ тюрьмѣ, ношеніе цѣпей, этапное слѣдованіе съ колодниками — не составляютъ тоже истязанія? Развѣ отлученіе отъ семейства не составляетъ нравственной пытки?

«До сего времени содержится въ Дерптѣ престарѣлый безграмотный старикъ Прокофій Никифоровъ. Онъ съ 1850 года

т. е. уже десять лѣтъ, какъ отлученъ отъ своего семейства, почти изъ ума выжилъ, и очевидно только теперь становится опасенъ, потому что слыветъ, на ряду со многими другими, праведникомъ пострадавшимъ за вѣру.

«Если бы священники подвергались строгой ответственности передъ своимъ начальствомъ за всякое, неподтверждаемое обращеніе (въ православіе); если въ обращеніяхъ настоящихъ было бы принимаемо надлежащее удостовѣреніе, что обращающійся, не по какому нибудь минутному расчету, а по искреннему чувству, сдѣлался достойнымъ счастья быть снова причисленнымъ къ церкви, — то нѣтъ сомнѣнія, что случаи мною приведенные сдѣлались бы невозможными»

«По самой человѣческой немощи, всякое принужденіе вызываетъ ропотъ; всякое запрещеніе уславливаетъ желаніе ему не подчиняться. Если бы церковь объявила раскольникамъ, что она, въ видѣ наказанія, не признаетъ ихъ болѣе и поставила бы присоединеніе на степень награды послѣ очистительнаго оглашенія... обращеній очевидно было бы болѣе чѣмъ нынѣ... и святое достоинство имени церкви не подвергалось бы нареканіямъ и упрекамъ невѣжественной черни.»

«Тутъ опредѣляется прямая дѣятельность церкви.

«Она ни кого не укоряетъ, ни кого не винитъ, ни кого не требуетъ къ мірскому суду. Полная самоотверженной любви, она въ видѣ скромнаго пастыря входитъ въ избу совращеннаго, переноситъ оскорбленія, во имя богострадальца, благодѣтельно ствуетъ оскорбившихъ, роднится съ ихъ жизнью, вникаетъ въ ихъ бытъ, говоритъ ихъ языкомъ и наконецъ направляетъ ихъ къ разуму и истинѣ.»

12.

«Кромѣ начала ненависти, расколъ образуется началомъ невѣжества. Мѣры противъ послѣдняго высказываются сами собой: образованіе училищъ, истребляя невѣжество, тѣмъ самымъ можетъ истребить и расколъ. Но тутъ встрѣчается новое столкновеніе духовной власти съ гражданской. Элементар-

ное духовное образованіе поручено приходскимъ священникамъ; въ приходскія же училища раскольники дѣтей своихъ посылать не будутъ, не смотря ни на какія принужденія.

«Такимъ образомъ нужно было отказываться до сего времени отъ одного изъ лучшихъ способовъ дѣйствовать на расколъ.

«Въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ народное поголовное образованіе еще не обязательно, такое обстоятельство объясняется само собою; но остзейскія губерніи служатъ и въ этомъ случаѣ исключеніемъ. Въ нихъ общее ученіе, требуемое протестанскимъ исповѣданіемъ, осталось обязательнымъ для присоединенныхъ къ православію крестьянъ.

«Изъ этой общей мѣры исключены только русскіе мѣщане и раскольники. Послѣдніе, видя вокругъ себя общій порядокъ учрежденій независимо отъ вѣроисповѣданій, не будутъ противиться учрежденію школъ, а лишь участію въ нихъ священниковъ. Наконецъ учрежденіе обязательныхъ школъ могло бы быть условіемъ къ предоставленію раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ, которыя въ свою очередь принесли бы современемъ свои плоды.

«Изъ этого возникаетъ возможность образованія, въ вѣдѣніи учебнаго округа, но на счетъ сектаторовъ, обязательныхъ школы, учрежденіе коихъ подчинилось бы особымъ правиламъ. Онѣ бы имѣли свойство чисто педагогическое, не касаясь предметовъ вѣры, поручались бы школьмейстерамъ, въ деревняхъ бы довольствовались ученіемъ грамоты и 4 первыхъ правилъ ариметики, а въ Дерптѣ включили бы въ свой курсъ географію, исторію грамматику и пѣніе. Подобный опытъ, какъ слышно, уже сдѣланъ въ военныхъ поселеніяхъ, по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, — а такъ какъ часть дерптскихъ раскольниковъ подлежитъ тому же вѣдомству, то въ примѣненіи уже существующаго правила нельзя предвидѣть затрудненія. По свидѣтельству очевидца между новгородскими раскольниками уже усиливается убѣжденіе, что толку ихъ суще-

ствовать не долго, — на томъ основаніи, что дѣтей ихъ уже посылають въ школу.

«Освободивъ раскольниковъ отъ столкновеній съ духовенствомъ, принудивъ ихъ къ образованію и штрафами заслушаніе, и тѣмъ, что безграмотный не могъ бы быть приписанъ въ мѣщане. . . . остается приучить ихъ къ гражданской жизни и къ гражданской отвѣтственности. Обязанности условливаются только правами. Кто не имѣетъ права не имѣетъ и обязанности.

«Негласныя постановленія существуютъ. . . . Почему же не сдѣлать ихъ гласными, когда всѣ ихъ знаютъ?»

Приведенные отрывки не будутъ лишними. Впереди мы встрѣтимъ бумагу другаго члена лифляндской администраціи, держащагося нѣсколько иныхъ воззрѣній на расколъ. Я не намѣренъ подвергать ту бумагу критическому разбору, но имѣю основаніе желать, чтобы лицо прочитавшее мои выдержки изъ донесенія графа Сологуба, удержало ихъ въ своей памяти, пока его вниманіе будетъ остановлено совершенно противоположными мнѣніями.

По моему крайнему разумѣнію все вышеизложенное можетъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ моего мнѣнія, что «отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоіанамъ» внушалось и нынѣ внушается раскольникамъ, не въ школахъ и не учителями въ родѣ добродушнаго старичка Желтова или простаго шкловскаго мѣщанина Дорофея Дмитріева Емельянова. Я имѣлъ честь оговориться, что не хочу, да и не могу оспаривать автора «Исторіи Преображенскаго кладбища», по словамъ котораго въ ковлинской школѣ въ Москвѣ «дѣтямъ внушалось отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоіанамъ». Не хочу даже пользоваться общими многимъ придирками къ происхожденію и нынѣшнему положенію автора; но не поручусь за основательность его сказанія, а самъ, по своему уму-разуму и совѣсти, рѣшительно отвергаю возможность приписывать религіозный фанатизмъ раскольниковъ вліянію школы и въ этомъ вліяніи искать

корень презрѣнія раскольниковъ къ духовенству господствующей церкви, опирающейся на мірскую власть и присоединяющей въ свое лоно при содѣйствіи квартальныхъ надзирателей. Еще разъ повторяю: это плоды принудительной системы правительства и корыстолюбивой ревности духовенства; а школы здѣсь рѣшительно не причесть.

Такъ исчезла рижская гребенчиковская школа, оставивъ на своемъ мѣстѣ описанную мною «мерзость запустенія».

А между тѣмъ шли годы, смѣнялись общественные дѣятели, измѣнился характеръ правленія и измѣнились обстоятельства.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II-го и первымъ мерцаніемъ обличительной гласности, раскольники завидѣли вдалекѣ брезжущую зорьку, обещающую конецъ долгой осенней ночи, въ теченіи которой они спали, давимые тяжелымъ кошмаромъ. Смутны и неопредѣленны, но теплы и смѣлы были ихъ надежды на молодого Государя. Они начали помышлять о возвращеніи многихъ отнятыхъ у нихъ гражданскихъ правъ и, между прочимъ, права имѣть школы. Смѣлѣе всѣхъ въ этихъ надеждахъ были раскольники остзейскаго края, и въ особенности рижцы, которые не смотря на все вышеизложенное, все-таки были самостоятельнѣе всѣхъ другихъ русскихъ раскольниковъ. Ожидая пока, что будетъ, рижане порѣшили, что ужъ, во всякомъ случаѣ прежнія преслѣдованія прекратились и можно кое-что предпринимать потихоньку къ своему благоустроенію. Попытались отнестись къ начальству съ однимъ, съ другимъ, — на все отвѣчаютъ не въ прежнемъ тонѣ. Стали еще болѣе вѣрить въ царя; стали еще смѣлѣе въ просьбахъ, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ, гдѣ боялись столкнуться съ духовенствомъ, пошли впередъ самъ, безъ всякихъ разрѣшеній, такъ называемымъ «законопротивнымъ образомъ». Въ этотъ періодъ на одной рижской раскольниковѣ женился раскольникъ же изъ Вилькомпра, митавскій 2-й гильдіи купецъ Григорій Семеновъ Ломоносовъ, че-

ловѣкъ прямой, рѣзкій, терпѣйшій по дѣламъ съ разными властями и имѣющій большое состояніе. Ломоносовъ началъ свое общественное служеніе въ Ригѣ, чѣмъ обыкновенно заявляютъ себя раскольники: приношеніями въ больницу, богадѣльную и моленную. Можетъ быть, что Ломоносовъ и ограничился бы этого рода дѣятельностью. Но случай свелъ его съ здѣшнимъ довольно еще молодымъ купцомъ Захаромъ Лазаревичемъ Бѣляевымъ, самымъ горячимъ слугою общественныхъ интересовъ и неустаннымъ врагомъ всякой лжи и всякаго невѣжества. Онъ воспитывался въ уничтоженной гребенщиковской школѣ, былъ мальчикомъ въ трактирѣ, потомъ сидѣлъ за вѣру въ казематахъ Динамюнде, а теперь имѣетъ небольшою русскій трактиръ, съ котораго и живетъ. Бѣляевъ человѣкъ весьма свѣтлый и довольно развитый, а всего болѣе до крайности прямой и готовый хоть сто разъ погибать за правду. Онъ очень любитъ читать произведенія новой литературы и при всей ограниченности своего состоянія, едва ли превышающаго десять тысячъ рублей, выписываетъ пять русскихъ журналовъ и нѣсколько газетъ. Все это Бѣляевъ перечитываетъ съ большимъ вниманіемъ и замѣчательнымъ критическимъ тактомъ. Влеченіе къ знаніямъ у него доходитъ до страсти и потому нестерпимое однообразіе раскольничьихъ «цвѣтничковъ» и очевидная нечѣсть большинства толстыхъ книгъ его возмущаютъ. Онъ не только самъ давно бросилъ эти книги, но, къ великому соблазну многихъ, очень еще любитъ выставлять на посмѣянія хорошо извѣстныя ему бредни толстокнижниковъ. Бѣляева считаютъ плохимъ «христіаниномъ» (въ раскольничьемъ смыслѣ этого слова), но глубоко уважаютъ какъ лучшаго и самаго «крѣпкаго» общественника. «Осатанѣлъ, говорятъ, Бѣляевъ, а мужикъ первый». За эту безмѣрную преданность Бѣляева общественнымъ интересамъ ему, скрѣпя сердце, прощаютъ не только его осатановленіе, но и его безпощадную обличительную прямоту, проливающую людей до седьмаго пота. Познакомившись съ Бѣляевымъ Ломоносовъ завелъ на московскомъ форштатѣ секрет-

ную школу и содержитъ ее до сихъ поръ вмѣстѣ съ Бѣляевымъ. Это и есть та школа, о которой прослышали здѣшніе поморцы и по образцу которой они желаютъ устроить школы у себя. Мнѣ не было основательныхъ причинъ добиваться: какъ велико денежное участіе Бѣляева въ содержаніи этой секретной школы; но полагаю что оно ничтожно: ея инициатива, кажется, болѣе принадлежитъ Бѣляеву, чѣмъ Ломоносову. Ниже мы будемъ имѣть случай подробно говорить объ этой школѣ и о томъ на сколько она заслуживаетъ вниманія и подражанія.

Прошло года два со времени основанія этой школы, извѣстной подъ фигуральнымъ именемъ «Марочки», и въ другихъ мѣстахъ остзейскаго края тоже начали подъ сурдинкой поучивать дѣтей, въ сборѣ по десяти и по двадцати въ одномъ мѣстѣ.

Но раскольники, вѣчно подозрѣваемые въ какой-то жадности къ таинственности, на самомъ дѣлѣ очень любятъ официальное признаніе и гласность. Поживъ годокъ другой съ своими секретными школами они начали ходатайствовать объ учрежденіи имъ открытыхъ школъ.

Упорное исканіе школъ поморцами остзейскаго края, въ нынѣшнее время, во многомъ напоминаетъ исканіе архіерейства рогожцами и дяконовскимъ согласіемъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II-й, кончина которой на долго отдала соединеніе господствующей церкви со всею дяконовщиною и многими поповцами вѣтковскаго согласія. Расколъ дѣлается уступки и проситъ, чего ему хочется; а ему даютъ то, чего онъ не хочетъ взять, да и не можетъ взять по своимъ понятіямъ о дѣлѣ. Все идетъ невыносимо долго, все мучитъ людское терпѣніе съ равнодушіемъ прислѣзника, раздумывающаго надъ яствомъ, назначеннымъ для утоленія судорогъ голоднаго желудка. Является Захаръ Бѣляевъ, совершенно равнодушный къ фанатическимъ требованіямъ раскола, но неравнодушный къ дѣлу образованія и испытанный горячій слуга раскольничьей общинности. Это — личность во многомъ напоминающая собесѣдника кн. Потемкина, молодого раскольничьяго философа, всѣмъ

силами рвется сблизать своихъ общественниковъ съ современными идеями. Онъ говоритъ имъ, что расколъ — вздоръ, что ученіе Христа не въ формахъ и обрядахъ, а въ духѣ любви, которой у раскольниковъ нѣ чуть не болѣе чѣмъ у православныхъ, католиковъ, или евреевъ. Бѣляевы въ расколѣ не часты, но все же въ расколѣ есть люди свѣтлые и благонамѣренные, которые могли бы оказать много несомнѣнной пользы въ интересахъ народнаго просвѣщенія и слѣдовательно въ интересахъ народнаго благосостоянія. Все это подходитъ къ дверямъ власти, все это тянетъ предъ ними надрывающимся груднымъ голосомъ свое скитовое «*Господи Исусе Христе помилуй насъ*», и все молча готово снова завернуться само въ себя, если власть изъ за своихъ дверей не поторопится отвѣтить имъ давно ожидаемое «*Аминь*».

Исканіе школъ въ остзейскомъ краѣ въ послѣднее время начали дерптскіе раскольники. Мысль просить объ учрежденіи школъ была у нихъ, разумѣется, давно; но новыи поводъ къ заявленію ея дало опять едва ли не тоже самое, духовенство господствующей церкви.

Изъ дѣла, находящагося въ архивѣ генераль-губернаторской канцеляріи, видно, что архіепископъ рижскій и митавскій Платонъ, 13 іюня 1860 года за № 2481, по доносу дерптскаго благочиннаго, протоіерея Алексѣева, жаловался генераль-губернатору, что мѣщане русскаго происхожденія «небрегутъ о образованіи дѣтей своихъ и не посылаютъ ихъ въ приходскія школы», и просилъ кн. Суворова не признаетъ ли онъ возможнымъ побудить гражданъ русскаго происхожденія, проживающихъ въ Лифляндіи, къ обученію дѣтей ихъ въ приходскихъ и другихъ школахъ». Въ бумагахъ рижскаго архипастыря, между прочимъ, было сказано, что мѣщане спускаютъ удѣлы, что нибудь на образованіе своихъ дѣтей и, что, по мнѣнію отца Алексѣева, «посѣщеніе школъ нужно сдѣлать обязательнымъ, по крайней мѣрѣ для слушанія уроковъ религіи».

Когда настоящее дѣло дошло до лифляндскаго губернскаго правленія, то это присутственное мѣсто, 13 октября 1860 года за № 2811, написало генераль-губернатору, что оно «не въ состояніи принскать какія либо средства для побужденія живущихъ въ Лифляндіи мѣщанъ русскаго происхожденія посылать своихъ дѣтей въ школу», а генераль-губернаторскій чиновникъ Шмидтъ, 7 марта 1861 года за № 25, представилъ донесеніе, которое я привожу въ подлинникѣ.

Послѣ форменнаго вступленія г. Шмидтъ пишетъ:

«Прежде всего долгомъ считаю неумолчать о сдѣланномъ мною въ настоящее время замѣчаніи, что благосостояніе, бывшее 10 лѣтъ тому назадъ, у многихъ, живущихъ въ Дерптскомъ уѣздѣ раскольниковъ, нынѣ не существуетъ; а на мѣсто онаго вкрались пороки, лѣньность и пьянство, чего прежде не видно было. Я очень далекъ отъ утвержденія будто это зло произошло оттого, что раскольники лишены были отправленія обрядовъ своихъ закрытіемъ моленей; но полагаю, что эта мѣра имѣла болѣе или менѣе вліяніе на развитіе между ними безправственности, преимущественно же между молодыми. Опытъ доказываетъ, что угнетенная секта упоритѣе остается въ своемъ заблужденіи, надѣясь этимъ приобрести вознагражденіе въ названіи «мученика», нежели такая которая терпима правительствомъ и свободна въ отправленіи обрядовъ, состоя только подъ строгимъ надзоромъ въ отношеніи обращенія другихъ въ расколъ.»

«Со времени закрытія моленныхъ въ дерптскомъ уѣздѣ присоединеніе раскольниковъ къ православію не было очень значительно. Въ 1850 году число раскольниковъ простиралось до 4200, а нынѣ до 4000 душъ, слѣдовательно разница въ 200 челов., и эта разница можетъ быть произошла не только отъ присоединенія къ православію, но и отъ перехода раскольниковъ на жительство въ другія мѣста и отъ другихъ причинъ. Даже наказанія, которымъ нѣкоторые изъ сектаторовъ подвержены были, не могли ихъ склонить къ возвращенію въ нѣ-
*

«дра церкви и такъ, какъ нельзя заключить, чтобы означенныя «4000 душъ совершенно обратились въ язычество, то съ до- «стовѣрностію полагать можно, что они въ тайнѣ отправляютъ «обрядъ своей секты. Ни свѣтское, ни духовное начальства не «въ состояніи прекратить этого совершенно и такая въ тайнѣ «дѣйствующая секта имѣетъ самыя вреднѣйшія послѣдствія въ «религіозномъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ, «тѣмъ болѣе, что все тайное возбуждаетъ въ человѣкѣ особен- «ную привлекательность и представляетъ самый лучший случай «къ обращенію въ секту.»

«Для узнанія обязанностей противъ Бога, истинной вѣры и «опредѣленія своего существованія, человѣкъ долженъ имѣть «образованіе. Всѣ люди способны къ образованію, если только «существуютъ необходимыя наружныя условія. Во всѣхъ об- «стоятельствахъ жизни обнаруживается, что образованіе начи- «нается мало по малу и переходитъ отъ наружнаго къ внут- «реннему, отъ несущественнаго къ существенному. По сему во «время настоящей прогрессіи въ нашемъ отечествѣ, весьма ра- «достно событіе, что всѣ живущіе въ дерптскомъ уѣздѣ рас- «кольники, которыхъ я имѣлъ случай видѣть, изъявили жела- «ніе, — посредствомъ устройства школъ, — дать соответственное «образованіе своимъ дѣтямъ, число которыхъ простирается до «1300 душъ.»

«Имѣю честь представить вашей свѣтлости въ приложеніи «подъ лит. А прошеніе, подписанное дерптскимъ мѣщаниномъ «Смолкинымъ отъ имени и съ согласія раскольниковъ, живу- «щихъ въ деревняхъ: Черной, Какитѣ, Красная гора, Колькѣ, «Казенѣ, Воронѣ и Межѣ, объ устройствѣ школъ поды усло- «віемъ, чтобы онѣ не состояли поды влияніемъ православнаго «духовенства, и чтобы учителя принадлежали къ раскольниче- «ской сектѣ. Независимо отъ сего сектаторы просятъ въ пред- «ставляемомъ у сего поды лит. Б. прошеніи, объ открытіи мо- «ленныхъ и опредѣленіи наставниковъ, какъ это дозволено еди- «новѣрцамъ ихъ въ Ригѣ и въ другихъ городахъ имперіи.»

«Сверхъ сего мнѣ подано было прилагаемое у сего поды «лит. В. прошеніе отъ живущихъ въ г. Дерптѣ раскольниковъ, «состоящихъ изъ 168 взрослыхъ и 60 дѣтей обоого пола. Это «прошеніе, изъявляя подобное же желаніе: «что если предоста- «вится имъ право давать дѣтямъ своимъ преимущество образо- «ванія, то разумѣется, что таковое тѣмъ болѣе необходимо имъ «самимъ по обрядамъ своимъ», — слѣдовательно они согласны «на открытіе школъ не только поды условіями.»

«Что касается до открытія моленныхъ и опредѣленія на- «ставниковъ, то я удерживаюсь отъ выраженія всякаго мнѣнія «по сему предмету, но нахожу полезнымъ устройство школъ, «потому, что уже въ обученіи юношества грамотѣ, читать и пи- «сать, есть средство довести ихъ современемъ до сознанія въ «лжеученіи, которому они преданы.»

«Въ заключеніе осмѣливаюсь почтеннѣйше представить ва- «шей свѣтлости слѣдующія предположенія касательно устрой- «ства таковыхъ школъ:

«1) Относительно преподаванія грамотѣ, школы должны со- «стоять поды наблюденіемъ мѣстнаго вѣдомства народнаго про- «свѣщенія; въ отношеніи же могущихъ быть попытокъ къ об- «ращенію другихъ въ расколъ и въ отклоненіе погрѣшностей «противъ нравственности, — поды строгимъ надзоромъ дерпт- «скаго ордунгсгерихта.»

«2) Преподаваніе должно ограничиться чтеніемъ, письмомъ «и первыми началами ариометикки; касательно же преподаванія «закона Божія, то существуетъ для едновѣрческой церкви ка- «техизисъ, который признаютъ и сами раскольники.»

«3) Учителей сегодѣла бы предварительно избирать изъ «числа сектаторовъ и, если возможно не подвергать ихъ экза- «мену или только поверхностно потому, что они могутъ быть «самоучки, и основательныхъ познаній отъ нихъ ожидать нель- «зя. Ордунгсгерихтъ долженъ имѣть наблюденіе, чтобы въ «учители не были избраны лица извѣстныя своимъ фанатиз- «момъ или безнравственностію.»

«4) Расходы на содержаніе школъ, на жалованье учителямъ, «равномѣрно наблюденіе за посѣщеніемъ школъ слѣдовало бы «совершенно предоставить самимъ раскольникамъ.»

При этомъ донесеніи г. Шмидта были представлены просьбы села Черной и деревень Кикиты, Тихотки, Красныхъ горъ, Колькы, Казега, Вороньи и Межи.

«Просимъ отъ правительства соблаговолить для насъ мило-«сердіе (пишутъ въ этой просьбѣ), поучить намъ своихъ дѣтей «въ училищѣ, устроеннаго соразмѣрно достатковъ и обсто-«ятельствъ нашихъ первоначальному обученію, по нашимъ древ-«нимъ книгамъ и письма по скорописи, въ самыхъ простыхъ «наукахъ, *учителемъ, выбираемымъ изъ среды насъ и, чтобы это «происходило помимо духовенства,* на счетъ наукъ нашихъ дѣ-«тей, сверхъ онаго вышеупомянутаго ученія мы нежелательны «принять». Во второмъ прошеніи общества, эти опять также безграмотно и также умилительно-наивно просить «позволить «имъ поучить своихъ дѣтей», но уже присоединяютъ къ этому и просьбу, позволить имъ молиться какъ молятся въ Ригѣ.

Въ это же время *дерптскіе* раскольники, «поощренные бла-«госклонною милостію его свѣтлости князя Суворова», осмѣли-«лись изъяснить желаніе свое въ слѣдующемъ:

1) «Чтобы благосклонно дозволено было обществу, учре-«дить на свой счетъ училище и избрать для онаго изъ среды «своей учителя, какъ для нравоученія самаго общества такъ и «для дѣтей ихъ, и такимъ образомъ дать начало къ образованію «ихъ, какъ таковое доступно всѣмъ состояніямъ въ имперіи.»

2) «Чтобы раскольническое общество само имѣло *право,* «выбирать изъ среды своей учителя для такового училища, ко-«торый обучалъ бы дѣтей первоначальнымъ правиламъ чтенія, «писанія и закона Божія по исповѣданію предковъ ихъ, а так-«же и пѣнію по древнему ихъ обряду.»

3) «Чтобы училище это состояло *подъ надзоромъ правитель-«ства при содѣйствіи двухъ членовъ изъ раскольническаго обще-«ства, безъ всякаго вмѣшательства православнаго духовенства.*

4) «Чтобъ избранному ими раскольническому учителю пре-«доставлено было право, совершать въ раскольническомъ обще-«ствѣ въ вышеозначенномъ учебномъ заведеніи — духовныя тре-«бы, въ томъ родѣ, какъ таковое существуетъ и въ настоящее «время въ г. Ригѣ.»

«Хотя въ Дерптѣ и довольно «учебныхъ заведеній», — прибавляютъ раскольники въ концѣ своей довольно длинной просьбы — «но нѣтъ училища для насъ и дѣтей нашихъ, въ ко-«торомъ могли бы образоваться по исповѣданію предковъ на-«шихъ.» Это довольно важно, если припомнить данное расколь-«никами обѣщаніе учить дѣтей въ обихихъ школахъ.»

Раскольники, ободраемые все мало по малу смягчающимся характеромъ правленія, шли въ своихъ исканіяхъ школъ не од-«ною дверью. Въ дѣлѣ есть слѣдующая бумага лифляндскаго гражданскаго губернатора къ генералъ-губернатору:

«Избранные раскольники деревень Кикиты и Тихотка: Ми «хайло Григорьевъ Смолкинъ, Семень Петровъ Кроховъ и Гри-«горій Михайловъ Смолкинъ просили дерптскій ордуунгсгерихтъ «объ исходатайствованіи имъ разрѣшенія, учредить въ деревнѣ «Кикита первоначальную школу, въ которой бы могъ избран-«ный изъ среды раскольниковъ учитель обучать дѣтей ихъ чте-«нію письма и ариометикѣ.»

«Донося мнѣ объ этомъ ордуунгсгерихтъ присовокупить, «что въ дерптскомъ уѣздѣ дѣти раскольниковъ рѣшительно ни «чему не обучаются по немѣнью для нихъ школъ. Приуждать «же раскольниковъ силою, отдавать своихъ дѣтей въ учрежден-«ныя православнымъ духовенствомъ школы, *но мнѣю ордуни-«сериата, было бы неудобно и не сообразно съ цѣлію.* Въ этомъ «случаѣ пришлось бы преодолѣть нѣсколько упорное сопротив-«леніе, но и преподаваніе въ этихъ школахъ должно бы принять «совсѣмъ другое направленіе, ибо оно ограничивается почти «единственно наставленіемъ учениковъ въ правилахъ православ-«ной церкви.»

«Поэтому ордунгегерихтъ признаеть учрежденіе школы для обученія дѣтей раскольниковъ чтенію, письму и ариметикѣ, дѣйствительно необходимымъ, тѣмъ болѣе, что избранный изъ среды ихъ учитель, при выборѣ котораго, конечно, надобно бы было соблюдать всю осторожность, могъ бы еще инымъ образомъ полезно дѣйствовать на своихъ учениковъ, возбуждая и поселяя между ними сомнѣніе въ устарѣлыхъ и «несовременныхъ убѣжденіяхъ родителей ихъ и, мало по малу, искореняя эти убѣжденія и вообще просвѣщая взглядъ и образъ мыслей довѣреннаго ему юношества.»

«Принявъ во вниманіе всѣ эти доводы ордунгегерихтъ вошелъ въ сношеніе по сему предмету съ дерптскимъ благочиннымъ Алексѣевымъ, *который уверилъ его, что со стороны трапезничнаго духовенства не будетъ никакихъ препятствій къ учрежденію раскольниковъ школы (!)* и по сему ордунгегерихтъ просить меня исходатайствовать раскольникамъ дозволеніе учредить испрашиваемыя школы не только въ поименованныхъ выше, но и во всѣхъ прочихъ, обитаемыхъ раскольниками деревняхъ.»

«Съ своей стороны, раздѣляя вполне мнѣніе ордунгегерихта о пользѣ и даже *необходимости* учрежденія первоначальныхъ раскольниковъ школъ, считаю долгомъ представить о семъ на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости, прилагая вмѣстѣ и поступившее въ ордунгегерихтъ по сему дѣлу прошеніе.»

Потерявшіе давно всякую вѣру въ терпимость и благожеланіе духовенства господствующей церкви и, видя въ нѣмцахъ болѣе благородной снисходительности и здравомыслія, чѣмъ въ своихъ православныхъ соотчичахъ, жители мызы Ровель: Михаилъ Григорьевъ Смолкинъ, Семенъ Петровъ Кроховъ и Григорій Михайловъ Фомкинъ, отъ себя и отъ имени общества, принесли покорнѣйшее прошеніе дерптскому ордунгегерихту и плакались нѣмцамъ такимъ образомъ:

«Побуждаемы крайне жалостнымъ положеніемъ дѣтей на-

«спихъ, лишенныхъ всякаго образованія, по немнѣнію никакихъ учебныхъ заведеній для раскольниковъ, мы осмѣливаемся прибѣгнуть къ оному ордунгегерихту съ покорнѣйшею просьбою, принявъ въ соображеніе, что дѣти всѣхъ существующихъ въ имперіи вѣроисповѣданій и состояній получаютъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, а наши дѣти въ настоящее время лишены всѣхъ правъ на достиженіе даже и самаго посредственнаго необходимо нужнаго образованія, — соизволить съдѣлать со своей стороны надлежащее распоряженіе объ исходатайствованіи намъ, гдѣ слѣдуетъ дозволенія, учредить для общества нашего селеній Кикиты и Тихотки, состоящаго изъ 120 дворовъ, въ селеніи Кикитѣ школу, для обученія дѣтей нашихъ первоначальнымъ правиламъ чтенія, писанія и арифметики, избираемымъ изъ среды нашей учителямъ.»

«Умоляя, не отказать намъ въ нашей покорнѣйшей просьбѣ и уповавъ на милость и милосердіе высшихъ начальствъ, честь имѣемъ пребывать» и проч. (г. Дерптъ 25 ноября 1860 года).

Между тѣмъ, по давно усвоенной привычкѣ проводить документно привязчивую полицію, раскольники, видя, что отъ нихъ уже принимаютъ просьбы о школахъ и, такъ сказать, мирволятъ имъ, начали, не дожидая правительственнаго разрѣшенія, то тамъ, то сямъ заводить что то въ родѣ школокъ. Нѣмцы, чиновники остзейскаго гражданскаго управленія, несомнѣнно знали объ этомъ, но мирволили, ибо, къ чести здѣшнихъ нѣмцевъ, они вообще отлично ведутъ себя по отношенію къ религіозной свободѣ раскольниковъ. Генераль-губернаторъ не отказывалъ въ учрежденіи просимыхъ школъ и написалъ преосвященному Платону (23 декабря 1860 года № 4103), вызывая рижскаго архипастыря вѣротерпимѣйшей церкви: выразить свое мнѣніе по представленію дерптскаго ордунгегерихта. Въ своей бумагѣ кн. Суворовъ давалъ очень ясно чувствовать, что самъ онъ склоняется въ пользу удовлетворенія раскольниковъ.

Между тѣмъ о самоволіи раскольниковъ узналъ дерптскій протоіерей Павелъ Алексѣевъ и вошелъ въ сношенія съ висо-

копреевощеннымъ Платономъ. 18 октября 1860 года за № 1428 отецъ Алексѣевъ уже писалъ преосв. Платону слѣдующее:

«По приказанію вашего высокопреевощенства, чрезъ канцелярію отъ 27 сентября № 507, я лично входилъ съ сношеніемъ съ директоромъ дерптской гимназіи г. Шредеромъ относительно открытыхъ раскольниками школъ въ деревняхъ Вороньѣ и Большихъ Колькахъ, и онъ объявилъ мнѣ, что, по особому положенію сельскихъ школъ въ Лифляндіи, онъ не подчиненъ директору, но завѣдуетъ ими особое правленіе находящееся въ г. Ригѣ, предсѣдаемъ котораго въ настоящее время г. фонъ-Клодтъ, сынъ бывшаго суперъ-интендента, а потому директоръ не можетъ имѣть вліянія на открытіе или закрытіе сельскаго училища. Впрочемъ, еслибы, говорилъ г. Шредеръ, послѣдовало начальственное предписаніе ему закрыть раскольническія школы, то онъ съ готовностію исполнитъ оное, хотя откровенно говоря, не предвидитъ въ этомъ никакой пользы, потому что въ отдаленныхъ селеніяхъ совершенно не можетъ имѣть наблюденія за открытіемъ таковыхъ школъ, и школа, закрытая по его приказанію сегодня, можетъ быть открыта завтра же, и онъ никогда или по крайней мѣрѣ весьма долго не узнаетъ объ этомъ.»

«Послѣ этого объясненія съ г. директоромъ, я имѣлъ разговоръ объ этомъ же предметѣ съ его высокопреевощенствомъ г. попечителемъ, который подтвердивъ слова директора, присовокупилъ, что если послѣдуетъ отъ меня форменное представленіе къ нему о школахъ, то онъ предпишетъ директору закрыть ихъ, но признаетъ, что это не только не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій, по невозможности директору строго наблюдать, чтобы школы не были открываемы вновь, но еще находить, что это можетъ более усилить ненависть и отвращеніе раскольниковъ къ православному священникамъ, такъ какъ онъ будетъ дѣйствовать на основаніи требованій православногo духовенства. Въ предотвращеніе этого зла, г. попечитель полагаетъ удобнѣйшимъ дѣйствовать чрезъ жандарм-

скаго штабъ-офицера, такъ-какъ онъ не обязанъ указывать, откуда онъ получилъ извѣстныя свѣдѣнія и съ другой стороны, требованія его строже будутъ исполняемы земскою полиціею, нежели отношенія какого либо инаго вѣдомства.»

«Съ благопокорностію, доведя до свѣдѣнія вашего высокопреевощенства вышеизложенные отзывы г. попечителя и директора, осмѣлюсь съ своей стороны представить на благоусмотрѣніе вашего высокопреевощенства, что раскольники въ настоящее время весьма желаютъ открыть у себя школы, даже готовы просить разрѣшенія на это, но соглашаются только, какъ мнѣ извѣстно въ рѣшеніи къ какому начальству обратиться за этимъ и чрезъ это подчинить себя ему, свѣтскому или духовному, и потому медлятъ подачею прошенія объ открытіи школъ у себя, объ написаніи котораго однажды даже обращались ко мнѣ. При такомъ настроеніи раскольниковъ весьма важно было бы, если бы мѣстная земская полиція строго слѣдила, чтобы они самовольно не открывали школы, а внушала бы имъ, чтобы они просили о дозволеніи имъ открыть оныя, и что на это послѣдуетъ разрѣшеніе. Чтобы побудить земскую полицію дѣйствовать такимъ образомъ мнѣ кажется, будетъ довольно если его свѣтлость г. генералъ-губернаторъ выразитъ положительно свое желаніе объ этомъ дерптскому исправнику; официальные же требованія и предписанія, увеличивая переписку не принесутъ никакого успѣха.»

Рижская община, вожакамъ которой обыкновенно извѣстно почти каждое секретнѣйшее распоряженіе не только мѣстнаго начальства, но и многія тайны синода и государственнаго совѣта, ожидала чѣмъ разрѣшится это новое исканіе школъ и сама ничего не предпринимала. Въ іюнѣ 1861 года она узнала отвѣтъ Платона князю Суворову на его бумагу о школахъ для раскольниковъ.

Отвѣтъ этотъ былъ формулированъ (20-го мая 1861 года № 281) слѣдующимъ образомъ:

«Ваша свѣтлость, сообщивъ мнѣ отношеніемъ отъ 23 де-

«кабря прошлаго года за № 4103, ходатайство Дерптскаго «орднунгсгерихта о дозволеніи раскольниковъ деревень Кикиты «и Тихотки учредить первоначальныя школы, для обученія дѣ- «тей ихъ чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики, «изволите спрашивать, не встрѣчаю ли я съ своей стороны ка- «кого либо препятствія къ исполненію означеннаго ходатайства «раскольниковъ? Признавая притомъ единственно вѣрнымъ «средствомъ къ уничтоженію раскола распространеніе грамот- «ности между его послѣдователями и потому находя настоящее «ходатайство раскольниковъ вполне заслуживающимъ уваженія, «*всина свѣтлость изволите показати, что для достиженія того* «чтобы раскольники охотно посылали своихъ дѣтей въ школу, «*необходимо назначати учителей изъ среды самихъ же сектато-* «*ровъ*, наблюдая при этомъ только, чтобы въ эту должность «выбираемы были люди съ достаточными познаніями, примѣр- «ной нравственности и незараженные фанатизмомъ.»

«При обсужденіи сего предмета епархіальнымъ начальствомъ «приняты во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) по суще- «ствующимъ постановленіямъ касательно учрежденія народныхъ «школъ: а) шкское подобнаго рода учебное заведеніе не мо- «жетъ быть открыто безъ разрѣшенія мѣстнаго училищнаго «начальства, всѣ же частныя учебныя заведенія, въ дерптскомъ «округѣ существующія, городскія и сельскія, должны состоять «въ вѣдомствѣ директора училищъ той губерніи, въ коей нахо- «дятся; б) учредители школъ обязаны имѣть при каждой зако- «ноучителя, изъ живущихъ въ томъ мѣстѣ, или въ сосѣдствѣ «священниковъ, и, испрашивая разрѣшенія открыть школу, «должны выѣсть съ тѣмъ представлять директору училищъ «письменный отзывъ священника, назначаемаго въ законоучи- «тели; в) во всѣхъ училищахъ городскихъ и сельскихъ, всѣ уча- «щіяся безъ исключенія *обязаны слушати преподаваніе катехи-* «*зиса*, а не обучаться только чтенію, письму и первымъ прави- «ламъ ариѳметики; г) въ учителя сельскихъ школъ опредѣляются «мѣстнымъ училищнымъ начальствомъ люди всякаго состоянія,

«но не иначе, какъ доказавъ на испытаніи, что имѣютъ нужныя «для сего знанія и способность обучать, причѣмъ училищное «начальство освѣдомляется объ ихъ нравственныхъ качествахъ «и поведеніи, стараясь удостовѣриться заранѣе, что они безъ «вреда для учащихся могутъ быть допущены къ исправленію «учительской должности; д) въ помѣщичьихъ селеніяхъ училища «ввѣряются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности «самихъ помѣщиковъ, кои могутъ поручать смотрѣніе за оными «и другимъ достойнымъ сего благонадежнымъ людямъ по своему «выбору, а въ селеніяхъ казенныхъ учебною частію завѣды- «ваетъ учитель, завися непосредственно отъ училищнаго на- «чальства; сверхъ того въ послѣднихъ ближайшій за училищемъ «надзоръ поручается благочинному, къ вѣдомству коего при- «надлежитъ приходъ; е) учителя и въ особенности обучающій «закону Божію священникъ, должны также не терять ни въ «какомъ случаѣ изъ виду главной, т. е. нравственной цѣли вос- «питанія. Объясняя ученикамъ своимъ святыя истины христиан- «ской вѣры и правила добродѣтели они должны стараться, что- «бы ввѣренныя имъ дѣти не только безъ затрудненія понимали «ихъ наставленія, но и привыкали чувствовать всю важность «оныхъ и важность своихъ настоящихъ и будущихъ обязанно- «стей къ Богу, къ себѣ, ближнимъ и постановленнымъ надъ «ними властямъ (Высочайше утвержденный 8 декабря 1828 «года, уст. учеб. завед. гл. II §§ 4—30 и 309—312); ж) тамъ «гдѣ есть жители православнаго исповѣданія запрещается изби- «рять раскольниковъ вредныхъ сектъ въ томъ числѣ и безо- «повщинской, въ какия бы то ни было общественныя должно- «сти и дозволяется назначать ихъ только въ полѣсовицкии, де- «сятскіе и сторожа (Св. Зак. изд. 1857 т. III уст. о службѣ по «выборамъ прилож. къ ст. 4182 *). Сверхъ сихъ общихъ по-

* Въ последнее время, мнѣ кажется, на практикѣ это отягчено и я слы- шать, что въ Вышномірѣ (Ковенской губ.) раскольниками замѣщены должно- сти ратмановъ, бургомистра и добросовѣстныхъ. Мнѣ рассказали объ этомъ раскольники изъ Риги и Динабурга, но за достовѣрность этого я, разумеет- ся, ругаться не могу.

«становленій секретнымъ циркулярнымъ указомъ свѣтѣйшаго синода отъ 29 октября 1836 года, за № 13023, обязанность обученія поселянскихъ дѣтей въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ есть раскольники, съ Высочайшаго утверждѣнія, возложена преимущественно на мѣстное духовенство, причемъ объяснено, что а) еси раскольники пожелаютъ отдать дѣтей своихъ въ училище не иначе, какъ по книгамъ старопечатнымъ или съ старопечатныхъ, изданнымъ въ единовѣрческой типографіи: то принимать ихъ съ симъ условіемъ и обучать по симъ книгамъ и б) учашій долженъ употреблять особенное стараніе, чтобы не смущая дѣтей раскольниковскихъ и не раздражалъ родителей ихъ жестокими укоризнами противъ раскола, внушить имъ уваженіе къ православной церкви и къ ея ученію. 3) По существующему въ Лифляндіи положенію обученіе крестьянскихъ дѣтей латышей и эстовъ, лютеранъ и православныхъ, вѣрено также ближайшему надзору мѣстнаго духовенства; причемъ въ лютеранскихъ приходахъ избираются для этого особые попечители (Kirchenvorsteher) изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ. 4) По собраннымъ мною свѣдѣніямъ не только въ Лифляндіи, но и въ великороссійскихъ губерніяхъ весьма трудно между раскольниками найти человѣка примѣрной нравственности, съ достаточными познаніями для исправленія учительской должности и незараженнаго фанатизмомъ и 5) грамотные раскольники, по обученіи грамотности, на ней только и останавливаются и никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ да служащихъ въ защиту ихъ заблужденій и при томъ вышедшихъ изъ ихъ только типографій, не читаютъ, а слѣдовательно и цѣль грамотности образованіе, хотя бы то въ размѣрахъ соответствующихъ быту поселянъ, у нихъ ничуть не достигается, да они и не имѣютъ ея въ виду.»

«Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства и постановленія, я полагаю, что нельзя допустить, чтобы въ предполагаемыя школы для обученія раскольниковскихъ дѣтей опредѣлялись учителями раскольники по выбору ихъ единомышлен-

никовъ, поелику это 1) явно будетъ противно существующимъ постановленіямъ касательно сельскихъ школъ, 2) послужитъ не къ благотворному просвѣщенію раскольниковскихъ дѣтей, а къ воспитанію ихъ въ раскольниковскихъ заблужденіяхъ, потому что наставники изъ раскольниковъ, хотя бы они не были фанатики, безъ сомнѣнія будутъ передавать дѣтямъ только свои мнѣнія и вѣрованія, и ни слова не скажутъ о томъ что бы могло служить къ истинному просвѣщенію, котораго они сами не имѣютъ; 3) увеличить между раскольниками число грамотныхъ и начетчиковъ, а чрезъ это дастъ имъ возможность имѣть болѣе наставниковъ и пѣвчихъ въ ихъ моленныхъ, къ утверждѣнію раскола; при томъ 4) обученіе раскольниковскихъ дѣтей только чтенію, письму и первымъ правиламъ ариметики, безъ обученія закону Божію, который положено преподавать во всѣхъ училищахъ существующихъ въ россійской имперіи не принесетъ большой пользы раскольниковскимъ дѣтямъ, «которые болѣе всего нуждаются въ религіозно-нравственномъ образованіи. По этому я признаю за лучшее, чтобы 1) въ предполагаемыхъ школахъ учителями были свѣтскія лица православнаго и даже лютеранскаго исповѣданій, имѣющія достаточное образованіе и хорошей нравственности, по выбору раскольниковъ или того помѣщика, въ имѣніи котораго они проживаютъ и съ утвержденія директора училищъ дерптскаго округа; 2) въ сихъ школахъ раскольниковскія дѣти обучались не только чтенію письму и первымъ правиламъ арифметики, но также катихизису и священной исторіи, хотя бы то по старопечатнымъ книгамъ; и 3) сѣ школы находились подъ надзоромъ помянутаго директора и мѣстнаго помѣщика.»

«Что же касается до того, что раскольники не охотно отдаютъ дѣтей своихъ въ учрежденныя православнымъ духовенствомъ школы, то это больше всего происходитъ, по моему мнѣнію, отъ распространяемыхъ между раскольниками, злонамеренными людьми, слуховъ будто правительство благосклонно смотритъ на ихъ заблужденія и въ скоромъ времени дозволитъ

«имъ безпрепятственно строить свои моленныя и открывать школы для обученія дѣтей ихъ. Если бы мѣстное гражданское начальство объявило рѣшительно раскольникамъ, что подобнаго рода слухи не имѣютъ никакого основанія и правительство никогда не дозволитъ имъ открывать свои моленныя и школы, то раскольники, при нынѣшнемъ стремленіи низшихъ классовъ общества къ образованію, вѣроятно, не стали бы препятствовать своимъ дѣтямъ посѣщать и учрежденныя правительственнымъ духовенствомъ школы, какъ это нѣкоторые изъ нихъ до сего времени дѣлали и нынѣ дѣлаютъ; напр. въ русскою начальномъ училищѣ въ г. Ригѣ въ прошломъ году обучалось 37 раскольническихъ дѣтей обоего пола; въ вспомогательной школѣ въ деревнѣ Колькахъ носовскаго прихода въ прошломъ году обучалось 7 раскольническихъ мальчиковъ, а въ прошломъ два.»

«Сообщая это вашей свѣтлости, считаю нужнымъ присовокупить, что по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ раскольники, живущіе на Чудскомъ озерѣ, просятъ дозволенія устроить въ деревняхъ ихъ школьные дома не для того собственно, чтобы чувствовали нужду въ школахъ и желали образованія въ нихъ дѣтей своихъ, а для того, чтобы, подъ названіемъ школьныхъ домовъ, имѣть особыя моленныя и торжественнѣе совершать въ нихъ богослуженіе. Именно, одинъ изъ раскольниковъ откровенно сказалъ извѣстному мнѣ человѣку, что «они, раскольники, на самомъ дѣлѣ не нуждаются въ школьномъ домѣ для обученія дѣтей своихъ, потому что ихъ дѣти теперь свободно обучаются и на квартирахъ всему, что имъ требуется. Школьный домъ имъ необходимъ только для помѣщенія моленной. Да и на что намъ, присовокупилъ этотъ раскольникъ, особенная наука, когда немного осталось до кончины міра? Вотъ уже, говорятъ, греки возстаютъ противъ турокъ, которыхъ на этотъ разъ одолѣютъ, а за симъ и страшный судъ.» При томъ вашей свѣтлости извѣстно, что раскольники на Чудскомъ озерѣ распускаютъ молву, будто правительство наше убѣди-

«лось въ истинности ихъ вѣры и скоро дозволитъ имъ строить моленныя; поэтому, если имъ дозволится строить школьные дома и опредѣлять учителей по ихъ избранію, то они, по всей вѣроятности, будутъ указывать на это, къ соблазну православныхъ, какъ на доказательство справедливости помянутой молвы.»

«О распоряженіи, какое вашей свѣтлости угодно будетъ сдѣлать въ слѣдствіе настоящаго моего отношенія, благоволите, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ.»

Послѣ этого архипастырскаго отзыва исканіе школъ опять на нѣкоторое время затихло. Рижскіе большаки были вполнѣ увѣрены, что, во что бы то ни стало, они добьются школъ своей общинѣ и потому они не отказались отъ своей мысли, но только отложили ее. А тѣмъ временемъ разыгралась польская исторія и правительство стало радушно принимать сочувственныя заявленія раскольниковъ. Обстоятельства эти были слишкомъ благоприятны, чтобы имъ не воспользовался дипломатическій умъ раскольниковъ. Въ Ригѣ, еще къ дню тысячелѣтія Россіи, было уже нѣсколько ученыхъ, филармоническихъ и филантропическихъ затѣй, въ которыхъ принимали болѣе или менѣе участіе раскольники, какъ бы приобщаясь такимъ образомъ къ сореволюціямъ отечественнаго просвѣщенія. Тамъ учредились: «Баянъ» — русское общество пѣнія и пизаннаго говоренія; «Ладо» — женское филармоническое общество, «Клубъ», «Общество для вспоможенія русскимъ приказчикамъ», «Общественная праздничная русская бібліотека», (въ которую не ходитъ ни одинъ раскольникъ, будто бы за то, что ее освѣщаютъ православный попъ) «Дневной пріютъ для дѣтей русскихъ рабочихъ при бібліотекѣ»; (до сихъ поръ еще, кажется, не утвержденный правительствомъ) и наконецъ — центральное русское общество «Улей». Все это было ведено умно и ловко: раскольникамъ вездѣ позволяли фигурировать. Не знаю имѣлъ ли кто нибудь въ виду, что этотъ практической народъ не станетъ хлопотать изъ за того только, чтобы рисоваться въ залахъ засѣ-

даній и щеголять словоизверженіями, составляющими главную дѣятельность русскихъ ученыхъ и неученыхъ обществъ. Но какъ бы тамъ ни было, а двадцать человѣкъ тузовъ рижской раскольникчей общины, покуртизанивъ въ либеральныхъ собранияхъ съ разноцвѣтными либералами, зимою 1862 года составили просьбицу и проэктникъ и представили эти бумаги лн-фляндскому гражданскому губернатору Этингену, котораго они считаютъ безукоризненнымъ человѣкомъ и самымъ благонамѣреннымъ чиновникомъ во всемъ остзейскомъ краѣ *). Просьба была объ учрежденіи при Гребенщиковскомъ заведеніи сиротскаго дома на пятьдесятъ дѣтей съ училищемъ для обученія сиротъ, до сдачи ихъ въ науку ремесленникамъ и купцамъ. На этотъ пріютъ съ училищемъ были собраны деньги, и всѣ были увѣрены, что измѣнившіяся отношенія правительства къ расколу устранятъ прежныя основанія къ отказамъ; но въ пріютѣ и училищѣ однако снова отказано. Это огорчило и обезкуражило всю рижскую общину и особенно Ломоносова, жертво-

*) Популярность губернатора Этингена очень велика не только у рижскихъ но и у всѣхъ остзейскихъ раскольниковъ. Она особенно возрасла съ тѣхъ поръ, какъ г. Этингенъ отстаивалъ право общины обривизовать финансовую дѣятельность нмѣвшяго попечителя Петра Андреевича Пименова. Общій голосъ увѣряетъ, что разрѣшеніе, данное Этингеномъ на обривизованіе книгъ депутациою, составленною изъ четырехъ членовъ общины, отмѣнено распоряженіемъ барона Ливена, по ходатайству попечителя, назначаемаго правительствомъ, кажется только потому, что ходатайство это шло не черезъ попечителя и такимъ образомъ задержало его щекотливое самолюбіе. Но въ средѣ добывающихся ревизіи ходатайство этого попечителя объ отягчѣ разрѣшенія, даннаго г. Этингеномъ, объясняется такими побужденіями, что попечитель отъ правительства, человѣкъ, кажется, весьма чистый отъ бросаемыхъ на него подозрѣній, теперь самъ бы долженъ просить немедленнаго разрѣшенія ревизіи книгъ и всего хозяйственнаго управленія общественнаго имущества. Не говори о томъ, что это требованіе совершенно справедливо и законно, исполнить его необходимо даже въ видахъ оградженія репутации правительственнаго попечителя отъ неблаговидимыхъ и, вѣроятно, совершенно неосновательныхъ наруганій. Если этотъ чиновникъ не изгнѣлъ ни какихъ другихъ побужденій противудѣйствовать разрѣшенной г. Этингеномъ ревизіи, то онъ сдѣлалъ огромную ошибку, давъ волю своему щекотливому самолюбію. Въ его положеніи это непростительно и ему это врядъ ли скоро простятъ, если онъ не найдетъ средствъ все хорошенько поправить.

вавшего на это дѣло шесть тысячъ рублей и Бѣляева, который изъ своихъ скудныхъ средствъ, тоже назначилъ на школу цѣлую тысячу рублей *).

Я прѣхалъ въ Ригу въ дни самаго высшаго сѣтованія на этотъ отказъ. Раскольники были не только огорчены, но и разсержены. Въ это время они не хотѣли ни о чемъ разсуждать и вообще были очень далеки отъ способности вѣрить во всякую возможность чего нибудь вымогить у правительства. «Все надо бросить, нечего воду толочь, да злить свое сердце», говорили они отчаянно. Я все слушалъ терпѣливо. Въ баронѣ Ливенѣ встрѣтилъ пріятное убѣжденіе въ совершенной необходимости особаго школь для раскольниковъ и готовность ходатайствовать объ этомъ у правительства. Въ канцеляріи генералъ-губернатора я занимался выписками. Всѣ мои столкновенія съ официальными лицами съ перваго шага въ Ригу пошли прекрасно и неизмѣнялись до самаго выѣзда оттуда. Даже онѣ становились все лучше и лучше. Изъ людей, особенно любезно содѣйствовавшихъ мнѣ въ моихъ архивныхъ работахъ, могу назвать правителя канцеляріи г. Тидебеля, управляющаго хозяйственною частью — чиновника Дембовецкаго, архивариуса — г. Гоге и полковника Андреенова, — послѣдній оказывалъ мнѣ даже небольшую услугу. Чиновниковъ, кажется, нисколько не занимаетъ все касающееся раскола и знакомство ихъ съ русскимъ сектаторствомъ ограничивается нѣсколькими заграничными брошюрами о расколѣ.

Письма взятая мною изъ Петербурга почти ни къ чему мнѣ негоднялись. Люди, важные по мнѣнію петербургскихъ раскольниковъ, оказались людьми плохенькими, ничтожными и не имѣющими, ни собственныхъ убѣжденій, ни вѣса въ обществѣ, ни

*) Когда составлялась эта записка изъ Риги пришло извѣстіе, что январскій полковникъ Андреевъ учредилъ рижскимъ раскольникамъ книгу на записку пожертвованій въ пользу ожидаемой школы и что подписка идетъ чрезвычайно успешно. Ломоносовъ записалъ 5 т., Бѣляевъ тысячу, Экономъ общины Тузовъ тысячу, Ап. Поповъ оба по ступ рублей въ годъ. Но деньги всякій еще хранитъ у себя, боясь что бы съ ними не сдѣлали чего другаго.

рѣшимости, что нибудь дѣлать. Это было очень непріятно. Раздраженіе, вызванное подоспѣвшимъ къ моему прїѣзду отказомъ въ разрѣшеніи школы, еще болѣе увеличивало мои затрудненія. Я боялся дискредитировать себя сношеніемъ съ чиновниками и не могъ избѣгать этихъ сношеній. Хотя я и мало дорожилъ архивными матеріалами, зная, что стоитъ войти въ довѣріе у раскольниковъ, и я буду имѣть всѣ эти свѣдѣнія; но вниманіе барона Ливена и общая услужливость со стороны гг. Гоге, Дембовецкаго и Андреянова, не позволили мнѣ устроить себѣ инкогнито. Я поговорилъ съ барономъ Ливеномъ и высказалъ ему желаніе уйдти изъ города на русскій форштатъ: баронъ Ливенъ былъ совершенно согласенъ со мною. Я познакомился съ Ломоносовымъ и онъ, доведя меня въ своемъ экипажѣ, до отеля, штудировалъ меня цѣлую ночь. Утромъ онъ хотѣлъ прискаты мнѣ квартиру, но вмѣсто того въ 11 часовъ пришелъ съ Бѣляевымъ и экономомъ гребенщиковскаго заведенія Іоною Тузовымъ. Опять штудировали меня, а о квартирѣ ни слова. Завтра опять тоже и послѣ завтра тоже. Я видѣлъ, что мнѣ не вѣрятъ; не понимаютъ моей миссіи; что такая цѣль странна для людей, привыкшихъ къ шпионажѣ. Я все терпѣлъ покойно и давалъ шунать себя какъ хотѣли, отвѣчалъ на все прямо и откровенно, не прикидываясь ни либераломъ, ни правительственнымъ агентомъ. Правда взяла свое. Наконецъ меня перевезли на московскій форштатъ, но не на особую квартиру, а въ домъ эконома Іоны Федотовича Тузова. Я не далъ замѣтить, что понимаю мой почетный арестъ и поселился жить подъ полицейскимъ надзоромъ моего хозяина. Полная откровенность дѣйствій скоро уничтожила всѣ опасенія: два мѣсяца мы прожили съ Ломоносовымъ, Бѣляевымъ, Волковымъ и Тузовымъ въ самой тѣсной пріязни. Въ свое время я писалъ лицу, поручившему мнѣ сдѣлать эти изысканія, что вокакъ партіи, враждебной Ломоносовской, Петръ Андреевичъ Пименовъ (нынѣшній попечитель), даже избиралъ меня быть ихъ примирителемъ. Съ «отцами духовными» я тоже сошелся и заслужилъ у нихъ мнѣніе,

довольно выгодное для меня, «еретика — нововѣра» и еще «табачника».

Но шли дни съ жирными обѣдами и задушевными бесѣдами, а я узнавалъ очень мало. «Погоди», отвѣчали мнѣ. «Съ лѣтѣмъ все узнаешь.» Я сидѣлъ въ архивѣ; ѣздилъ съ раскольниками за городъ, на общественную мызу Гризенбергъ; со всѣми сталъ какъ свой, а по вечерамъ и ночамъ таскался въ черныя дыры раскольниковьяго пролетариата, гдѣ узнавалъ мало новаго къ вопросу о школахъ, но нашелъ много вещей, необыкновенно интересныхъ въ беллетристическомъ отношеніи. Все шло отлично, но главнаго — потаенныхъ школъ и секретныхъ учебниковъ я все таки не видѣлъ. «Погоди», да «съ лѣтѣмъ узнаешь», отвѣчали мнѣ на мои распросы. Зная раскольниковыя нравы я не настаивалъ и не напращивался, а въ послѣднихъ числахъ іюля сталъ говорить объ отвѣдѣхъ. Такимъ образомъ исключалась возможность познакомить меня съ школами «съ лѣтѣмъ», а нужно было сдѣлать это немедленно, или уже совсѣмъ не дѣлать. Я зналъ, что раскольники уже крѣпко увѣрены, что я прїѣхалъ не для какого нибудь злого дѣла и ни чѣмъ не рисковалъ. Въ крайнемъ случаѣ я могъ оставаться подъ множествомъ весьма уважительныхъ предлоговъ. Въ это время Ломоносовъ видимо колебался: вести ли меня въ школу или нѣтъ? Наконецъ, взятый мною одинъ разъ, шутя, въ распахъ, повелъ. Получивъ доступъ въ секретную школу я пересталъ говорить объ обратной поѣздкѣ и, отложивъ ее, остался въ Ригѣ еще на двѣ недѣли.

Вотъ что я вынесъ изъ моего знакомства съ лучшею изъ потайныхъ раскольниковыхъ школъ въ остзейскомъ краѣ:

Школа находится на московскомъ предмѣстіи, на пескахъ, возлѣ такъ называемаго «Стараго Андрея», въ небольшомъ домикѣ Аллалуева, № 43. Она помѣщается въ трехъ очень небольшихъ но свѣтлыхъ и довольно чистыхъ комнатахъ, за нами которыхъ платитъ Ломоносовъ. Въ одной, самой большой изъ этихъ трехъ комнатъ, живетъ учитель, мѣщанинъ Маркі-

анъ Емельяновъ (по уличному прозванію «Марочка») и его жена; во второй учатся мальчики, а въ третьей дѣвочки. Въ настоящее время въ школѣ учатся двадцать два мальчика и одиннадцать дѣвочекъ. Мальчиковъ учитъ самъ Марочка, а съ дѣвочками, яко бы подъ его наблюденіемъ, занимается его жена. За обученіе дѣтей, также какъ и за наемъ школы, платитъ Григорій Семеновичъ Ломоносовъ съ какимъ то участіемъ Бѣляева. Ни какихъ общественныхъ сборовъ на эту школу не производится, частію по неудобству разглашать о существованіи секретной школы, частію же потому, что г. Ломоносовъ не нуждается ни въ чемъ денежномъ содѣйствіи и наконецъ, кажется, всего болѣе потому, чтобы избѣжать неприятныхъ столкновеній съ дураломствомъ, въ которомъ нѣтъ недостатка въ каждой неотесанной общинѣ, и тѣмъ паче въ общинѣ раскольничьей. Этого захочешь избѣжать вездѣ, а особенно въ Ригѣ, гдѣ кипитъ непримиримая злоба двухъ раскольничьихъ партій: *демократической*, эксплуатируемой Пименовымъ, какъ бы въ назиданіе людямъ, почитающимъ поголовную подачу голосовъ за послѣднюю форму европейской цивилизаціи, и *аристократической*, во главѣ которой стоятъ Ломоносовъ, Бѣляевъ, Тузовъ, Волковъ, Великановъ и еще человекъ двадцать, способныхъ понимать чѣмъ отличаются снѣтки отъ простой маленькой рыбки. Теперь дѣло школы идетъ просто, по-русски, безъ всякихъ формальностей. Найдеть Ломоносовъ или Бѣляевъ скитающагося сиротку, — погладитъ ребенка по макушечкѣ и отошлетъ въ школу, приговаривая: «ходи, учись, — умникъ будешь, человекъ будешь.» Приведеть мать или сестра ребенка, — опять тоже самое: никакихъ разговоровъ, ни распросовъ: «веди его къ Марочкѣ», и всего разговора столько. А тамъ уже Марочка всѣхъ принимаетъ и лишь въ счетцѣ, подаваемомъ Ломоносову разъ въ четыре мѣсяца, пишетъ: «по благоволенію Григорія Семеновича Ломоносова поступило учениковъ съ 1 января 1863 года по 1 мая:

Января 1. Ефимъ Марковъ (сынъ вдовы.)
 Марта 1. Григорій Филиповъ (сынъ вдовы.)
 Артемій (неимущій.)
 Сидоръ (сынъ вдовы.)
 Павелъ (ни отца ни матери.)

Апрѣля 6. Авдотья (сирота круглая), и такъ далѣе.
 Штата опредѣленнаго нѣтъ, школа принимаетъ всякаго, хотящаго учиться и выпускаетъ всякаго нашедшаго какое нибудь другое занятіе. Оттого цѣфра учениковъ и ученицъ Марочки постоянно колеблется. Раскольники, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, о которомъ не стоитъ даже и упоминать, вообще не признаютъ никакой пользы въ болѣе или менѣе основательномъ образованіи и даже рѣдко даютъ своимъ дѣтямъ изчерпывать до дна глубину премудрости, сидящей подъ пьянымъ черепомъ Марочки. Круглая сирота остается долѣе, пока или Марочка не скажетъ, что ученикъ «отучился», или меценатъ — Ломоносовъ не опредѣлитъ его куда нибудь къ купцу или ремесленнику. Вообще въ школу отдають не *выучиться* а, по здѣшнему мѣстному выраженію «мало-мало *подгуцаться*». Чуть ребенокъ началъ скоро читать и выводить каракули — курсъ конченъ, «къ дѣлу» его, ибо ученіе вовсе не дѣло, а такъ, что-то и нужное, и ненужное; Богъ знаетъ, что оно такое! Въ школѣ Марочка учитъ читать по церковно-славянскимъ букварямъ прусской печати, псалтырю и часовнику. Жена его учитъ тому же самому дѣвочекъ. Кромѣ того Марочка, бывшій до женитбы пѣвчимъ въ моленной, учитъ дѣтей тянуть на распѣвъ «началь» по старой «столововой» методѣ (*cantus planus*); а нѣкоторыхъ, имѣющихъ хорошіе голоса, (какъ напримѣръ мальчика Филиппа), учитъ трудному «демественному» пѣнію по крикамъ. Такимъ то образомъ приготавливаются новые пѣвцы въ пѣвческой хоръ моленной, которому полиція пренятствуетъ формироваться и который все таки не оскудѣваетъ. Болѣе Марочка ни чему не учитъ и учить не можетъ, ибо самъ ничего не знаетъ. Дѣтей здѣсь даже не учатъ чтенію гражданской печати, находя

это совершенно излишнимъ. Говорятъ: «этому они сами научатся; намъ бы только подучить и довольно». Мѣрочка мужикъ неглупый и не рьяный фанатикъ, мнѣ даже удалось его урезонить, что дѣтямъ полезно было бы читать и объяснять священную исторію и онъ выразилъ сильное желаніе заняться этимъ, но новыхъ руководствъ съ именемъ Христа, написанныхъ черезъ два *им* они не могутъ дать дѣтямъ, а старыя евангеліи и особенно библіи продаются чуть-чуть не на вѣсъ золота. Вообще книги раскольниковъ, печатаемыя за границею, все очень дороги: такъ напримѣръ десятокъ азбукъ въ оптовой покупкѣ стоятъ три рубля, часовникъ отъ 4 р. 50 коп. до 6 рублей, псалтыри еще дороже. А во всѣхъ этихъ книгахъ ровно нѣтъ ничего противнаго духу господствующей церкви и достать ихъ всегда можно столько сколько пожелають. Св. Синодъ совершенно напрасно упускаетъ солидную статью дохода, который ему могла бы дать продажа древлепечатныхъ книгъ, не содержащихъ въ себѣ ничего противнаго христіанскому ученію. Если ему неудобно дозволить печатанье ихъ въ своихъ книгопечатницахъ, то можно бы очень выгодно уступить право изданія такихъ книгъ еретикамъ, избавивъ такимъ образомъ послѣднюю страницу изданія отъ дурно цѣнимой еретиками приписки о поціющемъ на книгѣ благословеніи Синода, а приходскихъ священниковъ отъ соблазна, поддерживаемаго слабостью раскольниковъ выкупать у духовенства книги, забранныя у нихъ правительствомъ. На Литвѣ уже это теперь очень гласно дѣлается: какъ-то, будто даже и зазорно становится въ интересахъ православія.

Въ самомъ преподаваніи Мѣрочки нѣтъ никакой системы. По моему жена его гораздо лучше учитъ, чѣмъ онъ самъ. По крайней мѣрѣ она не считаетъ обязанностью орать на дѣтей зычнымъ голосомъ, и ея ученицы читаютъ ни чуть не хуже учениковъ ея сожителя, а смотря несправненно смѣлѣе и мысленнѣе. Въ школѣ этой, какъ уже сказано, довольно часто мѣняется комплектъ учениковъ, но Мѣрочка не стѣсняется учить

ихъ всѣхъ разомъ: у него учащіеся букварю сидятъ о бокъ съ проходящими псалтырь, а тѣ съ учащими часовникъ, и, какъ все читаютъ вслухъ, то выходитъ такое безобразнѣйшее попури, что нельзя надвинуться, какъ раскольниковій педагогъ можетъ въ немъ, что нибудь услѣдить, и понять. Къ этому еще надо прибавить, что по дороговизнѣ книгъ не у каждого ребенка есть своя книга и они, или вдвоемъ дупятъ по одной книжкѣ въ перегонку, или передаютъ другъ другу, безмысленно оставившись на концѣ страницы, хотя бы страница заканчивалась серединою фразы. Напрасно кто нибудь спросилъ бы мѣрочкина ученика: «разумѣеши ли яже чтещи»? Никто ничего не понимаетъ, а болтаетъ какъ попугай и нудится этою тяжелою наукою, не способною ни мало интересовать учащагося. Ученики одѣты бѣдно, во что попало, большая часть босикомъ, но особенной нечистоты нѣтъ. Когда я впервые вошелъ въ школу, тамъ стоялъ гуль,—словно молодой рой отроился. Это дѣти выкрикивали какъ евреи въ шабашъ. Жена Мѣрочки стояла съ чулкомъ у окна у дѣвочекъ, и Мѣрочка, изрядно пьяный, валялся на лежанкѣ въ своей комнатѣ и сильно растерялся. Вообще онъ человѣкъ, которому никакъ нельзя довѣрить воспитаніе дѣтей и все, что я о немъ слышалъ, ни мало не говоритъ въ пользу его педагогическихъ способностей; но у раскольниковъ «по нуждѣ» все терпится. Школа Мѣрочки интересна, какъ секретъ и какъ образчикъ раскольниковьихъ школъ, исчезнувшихъ вслѣдствіе правительственнаго преслѣдованія. Изъ встрѣчь со многими воспитанниками этихъ школъ и изъ самыхъ чистосердечныхъ разговоровъ съ ними я убѣдился, что ихъ учили только тому, чему учить своихъ учениковъ Мѣрочка: все они пишутъ безграмотно, не знаютъ, ни грамматики ни географіи, ни священной исторіи; не знаютъ даже основаній своего толка и спорныхъ пунктовъ съ господствующей церковью. Школа Мѣрочки учрежденіе вполне ничтожнѣйшее, но имѣетъ огромное отрицательное значеніе. Она ясно убѣждаетъ въ негодности школъ, устраиваемыхъ самими раскольниками, безъ руководства людей

просвѣщенныхъ. Видя въ ней новое повтореніе стертыхъ съ лица земли старыхъ школъ, становится несомнѣннымъ, что нужно заботиться не о возрожденіи этихъ школъ, какъ кажется многимъ «прельстившимся соніями» и забывшимъ, что «безъ лжи совершится законъ и премудрость»; а *учредить* школы новыя, съ новыми людьми за учительскими столами и съ новыми книгами стародавняго содержанія, но учредить ихъ такъ, чтобы въ цѣломъ курсѣ ученія, цѣлесообразномъ требованіямъ здоровой педагогикѣ, небыло ничего оскорбляющаго и порицающаго отеческія преданія старовѣровъ. Нужно учредить такія школы, чтобы онѣ были по праву безъ различія большому числу старовѣровъ различныхъ толковъ и особенно наиболѣе распространенныхъ. Для этого, по моему мнѣнію, въ школахъ вовсе не нужно преподавать никакого катихизиса и церковной исторіи, а весь курсъ религіознаго образованія ограничить изученіемъ священной исторіи, по нарочно составленному учебнику. Терпѣть Мѣрочкину и другія ей подобныя школы, какъ ихъ благородно терпитъ нынѣшній генералъ-губернаторъ прибалтійскаго края, пока правительство относится къ этому дѣлу такъ, какъ оно къ нему теперь относится, весьма резонно. Мнѣ извѣстно, что баронъ Ливень знаетъ о существованіи секретныхъ школъ, но не считаетъ нужнымъ ихъ преслѣдовать. «Пусть лучше чему нибудь учатся» сказалъ онъ мнѣ прощаясь со мною передъ отъѣздомъ своимъ изъ Риги. Подчиненные барона Ливена хорошо понимаютъ его политику, но въ школу Мѣрочки дѣти до сихъ поръ входятъ по одному, да по два и также выходятъ, чтобы не дать полиціи подозрѣнія о существованіи школы. Не можетъ быть, чтобы падкая на наблюденія за раскольниками полиція до сихъ поръ не пронюхала существованіе Мѣрочкиной школы, но ясно, что зная генералъ-губернаторскій взглядъ на это дѣло, она не смѣетъ приложить рукъ къ Мѣрочкиной профессіи.

Это, повторяю, совершенно понятно. Но желаніе «прельщенныхъ соніями» расширить такія школы и отдать ихъ въ

такимъ то видѣ подъ опеку министерства народнаго просвѣщенія было бы въ высшей степени несвоевременно. Что касается до меня, то я рѣшительно отвергаю всякую возможность представить образовательную инициативу необразованному расколу. Изъ этого кромѣ шутовства ничего не выйдетъ, точно также, какъ ничего не выходитъ изъ приглашенія раскольниковъ въ общія школы, за порогъ которыхъ можетъ свободно переступить нога попа господствующей церкви.

Учрежденіе такихъ школъ не представляетъ ни особенныхъ затрудненій и никакой опасности. Для нихъ можно, частію взять въ образецъ открытое при мнѣ «приходское училище при единовѣрческой церкви св. Михаила Архангела въ Ригѣ», а частію кое что измѣнить *ex programmate*. Самое названіе этой школы свидѣтельствуетъ, что она не общая, а исключительно старовѣрская школа, но между тѣмъ она существуетъ съ вѣдома правительства; она не запрещена, слѣдовательно она дозволена. А если старовѣры, принявшіе архіерейское благословеніе, не хотятъ мѣшать своихъ дѣтей съ православными и учреждаютъ особую школу, то какъ же добиваться, чтобы старовѣры, не принимающіе архіерейскаго благословенія, пустили своихъ дѣтей въ общія школы? Я здѣсь не вижу ни послѣдовательности, ни... всего другаго, даже осторожности и любви къ родицѣ и ее спокойному развитію.

Школа при единовѣрческой церкви завелась очень просто. Нѣкто г. Гутковъ, бывшій нѣкогда лекторомъ латышскаго языка при рижской православной семинаріи и имѣющій дипломъ на степень домашняго учителя, давно занимался обученіемъ купеческихъ дѣтей на московскомъ предмѣстѣи. Его знаютъ всѣ отъ архіерея Платона до послѣдняго пильщика съ двинской набережной и раскольники считаютъ его своимъ человѣкомъ. Когда шло дѣло о школахъ, до послѣдняго отказа, — то они очевидно прочли его себѣ въ учителя и онъ ждалъ этого. Но, когда дѣло разрушилось обычнымъ отказомъ въ правѣ «поучить дѣтей по древнимъ книгамъ», Гутковъ сошелся съ обществомъ

старовѣровъ благословенной церкви и, по праву приходскаго или домашняго учителя, открылъ упомянутое училище. У него еще очень немного учениковъ, но онъ прекрасно устроилъ свою школу въ помѣщеніи, отведенномъ ему въ дворѣ единовѣрческой церкви. Школы Гуткова ни въ какомъ отношеніи нельзя сравнить съ школою Мѣрочки: это дѣйствительно школа и Гутковъ дѣйствительно приходскій учитель. Одно только дурно, что по семинарской привычкѣ онъ все бьетъ дѣтей «по пальчикамъ», но въ самомъ расположеніи школьной комнаты, рассадкѣ дѣтей, по манерѣ объяснять: словомъ во всѣхъ приемахъ видѣтъ учитель опытный и способный. Я дѣлалъ многимъ изъ его учениковъ разные вопросы и въ каждомъ отвѣтѣ видѣлъ толковость, дѣлающую хорошую рекомендацію способностямъ учителя. А этого самаго Гуткова рижскіе старовѣры — безпоповщинскіе охотно бы приняли въ то время, когда они ждали отвѣта на свою послѣднюю просьбу.

По программѣ, составленной Гутковымъ въ училищѣ при старовѣрской благословенной церкви предположено проходить слѣдующіе предметы:

1. Законъ Божій:

- а) Молитвы.
- б) Священная исторія.

2. Русскій языкъ:

- а) Практическо-грамматическія правила русскаго языка.
- б) Правильное и четкое чтеніе по-русски.
- в) Русское чистописаніе.

3. Арифметика:

- а) Первые четыре правила простыхъ и именованныхъ чиселъ.
- б) Дроби и тройныя правила.

4. Нѣмецкій языкъ:

- а) Правильное и четкое чтеніе по-нѣмецки.
- б) Изученіе назусть нѣмецкихъ словъ.

в) Словесные и письменные переводы съ легкихъ фразъ и дагѣ.

г) Нѣмецкое и латинское чистописаніе.

5. Рисованіе (моделей, плановъ и ландшафтовъ).

6. Церковное гѣніе и славянское чтеніе.

7. Обзоръ географіи и всеобщей исторіи.

Училище будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій.

Я имѣю основаніе думать, что это училище въ своемъ ограниченномъ мѣрѣ принесетъ очень много пользы, и притомъ не стая правительству ни одного гроша.

Несомнѣнно, что такое же точно училище Гутковъ устроилъ бы и для безпоповщинскихъ раскольниковъ если бы имъ это было разрѣшено, и дѣти изъ этого училища вышли бы далеко лучшими гражданами чѣмъ изъ школы безграмотнаго и вѣчно пьянаго экс-гѣвчаго Мѣрочки, а родители ихъ питали бы со-всѣмъ иныя чувства къ правительству, которому они если и не дѣлаютъ зла, то и наврядъ ли желаютъ много добра. Они не станутъ вредить ему теперь, но, какъ полагаетъ полковникъ Андреевъ, могутъ при случаѣ взять и не его сторону; а полковнику Андреевову это ближе знать чѣмъ мнѣ, или кому нибудь другому. Во всѣхъ воззрѣніяхъ на тенденціи раскола я не стѣсняясь полемическими спорами послѣдняго времени, искренно раздѣляю мнѣніи П. И. Мельникова, единственнаго, по моему мнѣнію, безпристрастнаго, современнаго писателя о расколѣ, и также, какъ онъ, я рѣшительно не вѣрю въ способность раскольниковъ къ открытому возстанію. Не вѣрю я этому потому, почему не вѣрю вообще въ революціонныя движенія парижскихъ эпистеровъ. Но привою себя на память ихъ повсемѣстный ропотъ противъ правительства, припоминая исторію, случившуюся въ Ригѣ при отбираниіи метрическихъ книгъ изъ молельной, когда все предмѣстіе было чуть-чуть не въ осадномъ положеніи, — обращая наконецъ вниманіе на то, что при самомъ приглашеніи раскольниковъ къ подписанію сочиненнаго отъ ихъ имени вѣрноподданническаго адреса, въ ихъ средѣ поговаривали: «мы

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

внѣ закона, намъ нельзя подавать адреса» — я готовъ думать, что раздражатъ раскольниковъ въ угоду духовенству господствующей церкви рѣшительно не слѣдуетъ. Отцы нашей церкви, совершенно разошедшіеся въ своихъ возрѣніяхъ съ обществомъ просвѣщеннымъ и вовсе непросвѣщеннымъ народомъ, врядъ ли могутъ прорѣчь все, что можетъ случиться. Въ государственныхъ же интересахъ разрѣшеніе либеральнаго стремленія «познать своихъ дѣтей по старопечатнымъ книгамъ» не можетъ вести за собою ничего кромѣ общественнаго сочувствія, которымъ сильно правительство — раздробившейся на тьмы сектъ — Великобританіи.

Послѣ всего мною сказаннаго считаю обязанностью изложить мое личное мнѣніе о томъ, что бы слѣдовало правительству сдѣлать въ виду нынѣшнихъ неотступныхъ ходатайствъ раскольниковъ объ открытіи для нихъ особыхъ общественныхъ школъ.

1) Я убѣжденъ, что всѣ усилія склонить раскольниковъ къ начальному обученію ихъ дѣтей въ общихъ школахъ съ православными будутъ напрасны. Ни мягкія мѣры, ни крутыя, къ которымъ кажется правительству уже не намѣрено болѣе обращаться, одинаково не принесутъ никакой пользы. Первые сдѣлаютъ смѣшное и во всѣхъ отношеніяхъ невыгодное фіаско, а вторыя только поддержать двухѣеовое упорство и сдѣлаютъ враговъ изъ людей, готовыхъ нынче забыть правительству всѣ свои обиды.

2) Въ этой же самой мѣрѣ я убѣжденъ, что единственный способъ выйти хорошо изъ положенія, въ которое ставитъ правительство раскольниковъ домогательство особыхъ школъ — какъ можно скорѣе разрѣшить учрежденіе такихъ школъ.

3) Особныя школы нужны только для первоначальнаго обученія (приходскія), а раскольниковъ дѣтей, поступающихъ въ уѣздныя училища, гимназіи и высшія учебныя заведенія слѣдуетъ поставить въ такое же независимое положеніе отъ пра-

вославнаго законоучителя, въ какомъ находятся дѣти лютеранъ, католиковъ, кальвиновъ и вообще христіанъ не православнаго исповѣданія, обучающіеся въ русскихъ гимназіяхъ, лицеяхъ и университетахъ. Нужно освободить ихъ отъ слушанія уроковъ закона Божія и богословскихъ лекцій, освободивъ въ то же время и отъ испытанія по этимъ предметамъ.

4) Въ видахъ справедливости необходимо немедленно разрѣшить раскольниковамъ сдавать установленные экзамены на званіе приходскихъ учителей; а если это опять найдутъ невозможнымъ, то не лучше ли оставить все какъ оно есть и ничего не дѣлать, ибо изъ всѣхъ половинныхъ дѣйствій выйдетъ только полный неуспѣхъ.

и 5) Я признаю не только бесполезными, но положительно вредными всякія полумѣры и не предвижу никакого добра, если необходимыя по моимъ соображеніямъ уступки раскольничьимъ мольбамъ о школахъ будутъ дѣлаться не разомъ, а въ извѣстной постепенности, по частямъ, одна за другою. Постепенность — вещь въ нѣкоторыхъ случаяхъ прекрасная, но у насъ ее такъ боятся и такъ мало вѣрятъ въ благія продолженія слабо выражающихся во виѣшности благихъ начинаній, что реформы, вводимыя постепенно, по деталямъ, встрѣчаются у насъ съ злобною насмѣшкою, какъ фикцію, которыми отводятъ глаза народа. А не должно забывать, что раскольники народъ вообще чрезвычайно тонкій и практическій, и они очень хорошо понимаютъ выгодныя стороны положенія людей имѣющихъ право жаловаться на угнетенія. Они возьмутъ частицу уступокъ, воспользуются ею, но никогда не перестанутъ плакаться на недостатокъ удержанной доли просимой свободы. Они будутъ охотно поддерживать этимъ въ молодомъ поколѣніи ту ненависть и презрѣніе къ церковникамъ никоніанамъ, о которой говоритъ авторъ исторіи преображенскаго кладбища. Гоненіе тоже есть сила. Смѣшно утверждать, а можно положительно сказать, что расколъ, плачась на свою долю, нерѣдко смотритъ на всѣ эти странныя гоненія, какъ на раны, которыми облегчается внутренній не-

дугъ организма. Многие это такъ именно и понимаютъ и любятъ свои гоненія, какъ худосочные люди любятъ свои раны. Раскольники, привыкнувъ красоваться синими рубцами нагнанными на груди «древляго благочестія», кажется не будутъ знать, что дѣлать, когда заживутъ эти рубцы страданія. Одинъ самый разсудительный и дальнзоркій изъ рижскихъ «отцевъ», слушая какъ-то разговоры о расширяемой по немножку свободѣ совѣсти, сказалъ: «Охъ, не зашибла-бъ насъ эта свобода большіе гоненія. Противъ гоненій-то мы обстоились, а противъ свободы-то Богъ знаетъ какъ стоять будемъ.» Но расширяя права раскольниковъ хоть бы и въ одномъ учебномъ вопросѣ, нельзя обходить чего-нибудь, полагая, что—«это важно, этого и довольно, а это не такъ важно и безъ этого они могутъ обоидтись», — нужно, какъ говорится, съѣсть съ раскольниками по крайней мѣрѣ три пуда соли вмѣстѣ, чтобы понимать, какъ этотъ народъ, выросшій на спорѣ о мелочахъ, высоко цѣнитъ каждую мелочь и придирается ко всему съ ядовитымъ крючкотворствомъ французскаго судьи. У нихъ и «нужда измѣняетъ законъ», и все, стало быть, возможно «судьи ради»; но и «еще праведникъ согрѣшитъ, не помянутся всѣ правды его». Нужно непременно отнять у нихъ всякую возможность жаловаться на неравноправіе передъ закономъ и въ особенности на недоступность образованія, тѣмъ болѣе, что это въ настоящее время какъ нельзя болѣе легко и удобно.

Относительно устройства просимыхъ раскольниками школъ мнѣ кажется, нужно поступить такимъ образомъ:

1) Опредѣлить minimum общества, которое имѣетъ право просить объ открытіи школы.

Мнѣ частнымъ образомъ извѣстно, что въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ есть соображенія о томъ: изъ какого числа душъ должно состоять раскольникче общество, имѣющее право на учрежденіе моленной. Можетъ статься эти соображенія, въ извѣстной соразмѣрности, можно бы примѣнить и къ вопросу о школахъ.

2) Дозволить открыть училища на общемъ основаніи приходскихъ школъ съ подчиненіемъ ихъ прямому наблюденію мѣстной дирекціи училищъ, какъ это было въ Ригѣ, до закрытія школы при Гребенщиковскомъ заведеніи.

3) Всякое иное вліяніе стороннихъ вѣдомствъ на эти школы совершенно устранить, ибо это ни къ чему не поведетъ, кромѣ жалобъ съ одной стороны, придирокъ съ другой и безпрерывныхъ неприятныхъ столкновеній чиновниковъ двухъ различныхъ вѣдомствъ, — а дитя у семи нянекъ будетъ безъ глаза.

4) Содержаніе школъ предоставить самимъ общинамъ, не требуя на нихъ никакой правительственной субсидіи, ибо въ общемъ, эта субсидія значительно уменьшитъ государственный бюджетъ, а въ частности — для каждой школы принесетъ очень мало пользы. Средства, отпускаемые правительствомъ на содержаніе приходскихъ школъ такъ миниатюрны, что раскольничьи общины никогда не постыгуютъ на лишеніе ихъ этихъ субсидій. Пожалуй, по нѣкоторымъ соображеніямъ, они, чего добраго, будутъ еще очень рады отъ нихъ освободиться.

5) Преподаваніе въ приходскихъ раскольникыхъ школахъ вѣрять только людямъ имѣющимъ установленные дипломы.

6) Имѣя въ виду, что раскольники ставятъ какъ *conditio sine qua non*, чтобы за общинами было признано право избирать учителя для своей школы и представлять своего избранника на утвержденіе подлежащей власти, даровать имъ это право съ тѣмъ, чтобы община всякій разъ представляла кому будетъ назначено, по крайней мѣрѣ двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ и можетъ быть утвержденъ, если будетъ отвѣчать всѣмъ требуемымъ отъ учителя условіямъ.

и 7) Не возбраняетъ раскольникамъ экзаменоваться теперь на степень учителя и экзаменоваться ихъ безъ малѣйшаго послабленія, но и безъ усиленныхъ строгостей, не требуя отъ нихъ при этомъ представленія законныхъ метрическихъ свидѣтельствъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, потому что почти всѣ они значатся незаконнорожденными; а ихъ выписки изъ книгъ моленныхъ за-

кономъ не принимаются. Совершенно достаточно ограничиваться требованіемъ письменнаго вида. Отказъ въ допущеніи раскольниковъ къ экзаменамъ на степень приходскихъ учителей или требованіе отъ нихъ документовъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, будетъ мѣрою весьма печальною. Не говоря о томъ, что отказъ въ правѣ избранія и представленія учителей непременно параллелируетъ все дѣло, предоставленіе этого права мнѣ кажется и весьма справедливымъ. Какое опроверженіе можно привести противъ права родителей избирать наставниковъ своимъ дѣтямъ? Едва ли можно найти такое опроверженіе; а если и можно, то оно будетъ не естественное, вымышленное, натянутое на старый педагогическій подрамокъ. Дѣло власти, регулирующей школьную операцію, въ настоящемъ случаѣ, прямо ограничивается опредѣленіемъ средствъ представляемаго кандидата на занятіе должности, къ исполненію которой онъ назначается. Но, неговоря уже о томъ, что недопущеніе раскольниковъ къ экзаменамъ будетъ очевиднымъ устраненіемъ ихъ отъ гражданскаго равноправія и новымъ поставленіемъ ихъ «възгъ закона», правительству нѣтъ основанія бояться большаго количества учителей раскольниковъ. Ихъ нѣтъ въ настоящее время, а приготовить ихъ не такъ-то легко. Это очень хорошо знаютъ сами расколичичья общины, соглашающіяся принять учителей православнаго исповѣданія, и не хуже ихъ знаю это я, сталкивався съ поражающимъ невѣжествомъ докъ, сльвиущихъ въ своихъ муравейникахъ за мудрецовъ, философовъ и звѣздочетовъ. Можно смѣло утверждать, что на первое время учителя изъ раскольниковъ, на всю массу учителей нужныхъ для расколичичьихъ приходскихъ школъ, врядъ ли составятъ одинъ процентъ. Остальные девяносто девять процентъ въ все будутъ или православные или даже нѣмцы, которыхъ не прочь принять многія общины. Да и вообще одинъ только расколичичья остзейскаго края упорно хотять непременно учителя изъ своихъ съ самаго начала школы; но и они, я увѣренъ, не откажутся взять нновѣрца, если изъ ихнихъ не найдется готоваго человѣка. Обѣ

этомъ у меня было много говорено и, послѣ многихъ и всегда жаркихъ споровъ, дѣло оканчивалось тѣмъ, что «пу хорошо, пу нѣмца возьмемъ». И по моему нѣмецъ, или вообще нновѣрецъ для расколичичьихъ во многихъ отношеніяхъ удобнѣе православнаго, особенно въ остзейскомъ краѣ, гдѣ нѣмцы были постоянными защитниками расколичичьихъ отъ притѣсненій русскаго православія, и гдѣ расколичичья не возражаетъ нѣмцу, когда послѣдній зачастую говоритъ: «вы вѣдь, только по насъ и цѣлы, а ваши давно бы васъ забили». По возвращеніи моемъ изъ Риги у меня были мои петербургскіе знакомые: еодосѣвцы, поморцы и послѣдователи аристова согласія. Они все согласны принять къ себѣ православнаго учителя. Я писалъ объ этомъ въ Ригу отцу Евстаію, а тотъ показалъ мое письмо Бѣлеву и на дняхъ я получилъ отъ Бѣлева увѣдомленіе, что онъ непременно желаетъ нѣтъ для Рижской школы учителя изъ людей просвѣщенныхъ. «Знаю я, пишетъ онъ, что такіе за учителя будутъ изъ нашихъ! На школы съ нашими учителями и «жертвовать нестоятъ.» Отецъ Евстаіій, великій почитатель Бѣлева, тоже присталъ къ его мнѣнію, а мнѣніе духовнаго отца въ такомъ дѣлѣ, вещь большой важности. Отказывать же въ допущеніи расколичичьихъ къ экзамену при первомъ учрежденіи школы просто невозможно. Это значило бы предрѣшать событія не въ пользу расколичичьяго образованія и не въ пользу собственную, ибо если расколичичья открытъ двери въ среднія и высшія учебныя заведенія, то, само собою разумется, изъ нихъ многіе получатъ ученныя степени, а съ ними и права на педагогическую службу. Какъ же тогда? Не давать мѣстъ, это значитъ не мириться съ невѣжественнымъ расколомъ, а ссориться съ расколомъ образованнымъ. Многіе, и особенно либеральные чиновники, любятъ утверждать, что «образованіе есть вѣрнѣйшее средство къ искорененію раскола». Не хочу съ этимъ спорить, тѣмъ болѣе, что не понимаю смысла всѣхъ хлопотъ, подъемлемыхъ кѣмъ бы то ни было во имя искорененія какого бы то ни было невредящаго общественному спокойствію

вѣрованія. Но полагаю, что выражаемая надежда, искоренить расколъ однимъ образованіемъ, вѣрна въ половину или, по крайней мѣрѣ, рѣшеніе ее весьма условно. Образованіе несомнѣнно уничтожитъ расколъ, *если* рядомъ съ открытіемъ раскольникамъ всѣхъ средствъ къ образованію правительство не оставитъ и слѣда какихъ бы то ни было ограниченій сектаторовъ въ гражданскомъ равноправіи со всѣми. Но *если* этого не будетъ, то лучшіе молодые люди изъ раскольниковъ не бросятъ раскола потому, что лучшіе люди никогда не бросаютъ своихъ собратій, пока этимъ собратіямъ хуже другихъ. Это старая исторія, которая однако будетъ нова до конца человѣческаго рода. Уже теперь есть такіе раскольники, а съ образованіемъ ихъ будетъ еще болѣе. Слѣдовательно, какъ же тогда станетъ вопросъ? Переметчиковъ, измѣняющихъ вѣрѣ и обществу по расчету, что это выгодно, правительство станетъ принимать, а людей твердыхъ, предпочитающихъ дѣлать скудныя права своихъ собратій, оно лишитъ и правъ, приобретенныхъ ими по образованію?.... Не хочется вѣрять, чтобы это было такъ, а иначе быть не можетъ, если теперь предпринять вопросъ объ учителяхъ раскольничьихъ положительнымъ отказомъ. Если же этотъ отказъ выразитъ въ видѣ временной мѣры, то результатомъ прямой: никто изъ раскольниковъ не станетъ приготовляться къ педагогической дѣятельности, мѣра эта не приобрететъ правительству раскольничьихъ симпатій и опять будетъ широкое раздолье жалобамъ, нелишеннымъ большей доли основательности.

На счетъ чисто педагогическаго устройства школъ я думаю такъ:

1) Школы устроить двухклассныя съ третьимъ приготовительнымъ отдѣленіемъ.

2) Въ приготовительномъ отдѣленіи обучать дѣтей чтенію и письму, по такому методу, какой признаетъ удобнѣйшимъ учитель. Всего лучше бы разумѣется, было держаться прекраснаго метода г. Золотова, но этого невозможно назначать обязательнымъ. Можетъ быть со временемъ учителя и найдутъ

средства перейти къ Золотовскому обученію, но теперь нужно ввести буквари напечатанные точь-въ-точь съ секретнаго буквара прусской печати. Какъ ни пошлѣ и тяжелѣ этотъ глушій букварь нужно покориться смѣшной необходимости и дать его, ибо раскольники видятъ въ немъ прелесть неизрѣченную и, кромѣ его или другаго секретнаго буквара польской печати (который все таки въ меньшемъ почетѣ), по другимъ букварямъ учить дѣтей не согласятся. Тамъ всѣ эти «оксіи», «исо», «оваріи» имѣютъ для нихъ, свою сласть несказанную и никто не рѣшится лишить свое чадо блаженства, сокрытаго въ этой гадости. Имѣя въ виду, что раскольники обыкновенно учатъ дѣтей лѣтъ съ семи до четырнадцатилѣтняго возраста, а весь курсъ ихъ специальныхъ школъ будетъ очень невеликъ, можно имъ доставить удовольствіе держаться своихъ просодій и учить годъ тому, чему по лучшему методу легко можно бы выучить въ мѣсяць, иначе, я говорю, ничего не подѣлаешь.

2) Въ 1-мъ классѣ учить: священной исторіи (ветхій завѣтъ), грамматикѣ, краткой всеобщей исторіи (древней и средней), краткой математической географіи, ариметикѣ до дробей, чистописанію и черченію. Последнее особенно важно, ибо раскольники вообще желаютъ видѣть своихъ дѣтей приготовленными къ поступленію въ науку къ строителямъ, фабрикантамъ, заводчикамъ, каменщикамъ и т. п., гдѣ черченіе очень нужно.

3) Во второмъ классѣ: священная исторія (новый завѣтъ), грамматика (окончаніе), исторія (до нашихъ временъ), краткая физическая географія, ариметика (дроби, хоть до смѣшанныхъ дробей), чистописаніе и копированіе плановъ и моделей.

4) Изъ втораго класса выпускать по экзамену съ свидѣтельствами, похвальными листами, похвальными книгами и прочими школьными наградами.

5) Обученіе священной исторіи, по избранному руководству, не возлагать ни на какое духовное лицо, а пусть ему учить тотъ же учитель. — Мудрость очень не большая и въ новую ересь никто не впадетъ отъ чтенія библейскихъ и еван-

гельсвихъ исторій. По крайнѣй мѣрѣ въ школахъ этого не случится, а за школой можетъ быть все и отъ этого не упасешься.

6) У раскольниковъ есть въ обычаѣ учить мальчиковъ мѣстѣ съ дѣвочками и имъ очень хочется удержать это обыкновеніе и въ ожидаемыхъ ими новыхъ школахъ. Я лично не вижу причинъ отвергать совмѣстнаго обученія дѣтей безъ полового различія и, слѣдя за горячею полемикою педагоговъ по этому вопросу, всегда склонялся на сторону поборниковъ совмѣстнаго ученія; но думаю, что это единственный пунктъ, въ которомъ раскольникамъ можно и отказать, если нельзя устранить соображеній, по которымъ у насъ не допускаются классы общіе для мальчиковъ и дѣвочекъ. А лучше бы кажется и это дозволить, наблюдая только, чтобы дѣти были удобно размѣщаемы въ класныхъ комнатахъ.

7) При приемѣ дѣтей въ школу не требовать отъ ихъ родителей или родственниковъ никакихъ метрическихъ свидѣтельствъ, ибо въ общинѣ всегда происхождение ребенка борбе или менѣе вѣрно и въ метрику никакой нужды нѣтъ. А между тѣмъ метрическія свидѣтельства могутъ быть большимъ препятствіемъ къ соединенію въ школахъ дѣтей, принадлежащихъ къ разнымъ согласіямъ раскола. Раскольники часто скрываютъ свои вѣрованія, а всѣ они охотно отгадаютъ дѣтей своихъ въ одну школу, ибо старыя книги у всѣхъ у нихъ однѣ и тѣ же, не исключая даже катихизиса. Но какъ въ катихизисѣ уже есть нѣсколько вопросовъ, возбуждающихъ спорныя толкованія и къ тому же «нововѣру», или нѣмцу, нельзя изъяснить «артикуловъ вѣры», составленныхъ и напечатанныхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Іосифѣ, то я и нахожу необходимымъ вовсе исключить катихизисъ изъ программы школъ. Пусть дѣти въ школахъ *сходятся*, а не *расходятся*. Катихизису же они могутъ учиться дома или въ праздники у духовныхъ отцовъ, каждый по своему.

8. Въ отношеніи отчетности чисто педагогической, учителей нужно подчинить на общихъ основаніяхъ мѣстной губерн-

ской дирекціи училищъ; а въ экономической, общинѣ, — удерживая однако за дирекцію право наблюдать, чтобы школа содержалась въ помѣщеніи здоровомъ, чистомъ и свѣтломъ, а учителя были подъ руками всѣ нужныя по программѣ учебныя пособия.

Учебныя пособия т. е. книги составляютъ весьма важный и цекотливый предметъ.

Раскольники, какъ круглые невѣжды во всемъ, касающемся образованія, имѣютъ объ этомъ предметѣ самыя чудовищныя понятія. Уни вянутъ, слушая чего имъ хочется. Букварь, чтобы былъ старѣй, съ прусскаго и, чтобы на немъ не было напечатано ни «по благословенію синода», ни «печатано при типографіи единовѣрческой церкви»; часовникъ и псалтырь, чтобы были признаны главными предметами преподаванія въ школахъ, а священной исторіи вовсе не нужно, но такъ «для баловства» можно «поучить» и ей, только «по старой книгѣ», тогда какъ ни какой такой старой книги не существуетъ. Грамматику ввести, изданную при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и при немъ же изданный катихизисъ («Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры», издана при патріархѣ Іосифѣ въ Москвѣ въ лѣта 7157). Наконецъ имъ даже хочется какую-то допотопную ариметику, соединяющую въ себѣ всѣ неудобства къ обученію. Раскольники, за небольшимъ исключеніемъ, склонны вѣрить, что весь міръ только и заботится подкопаться подъ старую вѣру и повредить юныя лозы въ виноградникѣ древняго благочестія, а невѣроятное невѣжество, при которомъ они не могутъ опредѣлить предмета ни одной науки, заставляетъ ихъ страшиться всѣхъ новыхъ книгъ и подбиваетъ домогаться во всемъ одного стараго. Нелѣпность соображеній, высказываемыхъ ими при этихъ требованіяхъ неописуема и удовлетворять этихъ требованій не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ, ибо нельзя вводить просвѣщеніе орудіями, способствующими затемненію всякаго свѣта. Но хорошо извѣданный характеръ раскольниковъ не позволяетъ и рѣзко противудѣйствовать ихъ симпатіямъ къ сво-

нимъ безобразнымъ древностямъ. При первомъ такомъ покушеніи ихъ крючкотворные начетки, въ существѣ гораздо большіе невѣжды, чѣмъ сама безграмотная масса, сейчасъ истолкуютъ, что «нововѣры» боятся старыхъ книгъ, ибо въ этихъ книгахъ сокрытъ кладязь премудрости, способный обличить суемудріе нововѣровъ. А стоитъ разойтись такой болтовнѣ и дѣло пропало. Тутъ нужно дѣйствовать терпѣливо, осторожно и рассчитанно.

Для школъ нужно напечатать *славянскимъ шрифтомъ*:

1. Букварь точь-въ-точь съ прусскаго букваря, не печатая на послѣдней страницѣ неизбѣжнаго благословенія святѣйшаго синода, ни напоминанія о единовѣрческой церкви.

2. Священную исторію, шрифтомъ подобнымъ рукописному уставу, съ цвѣтными буквами въ зачалахъ. Исторію напечатать съ синодальнаго изданія съ выпускомъ двухъ незначительныхъ мѣстъ, на стр. 64 и 73, или же съ заграничнаго изданія, вышедшаго въ Карлсруэ. Имя Христа вездѣ должно печатать *Исусъ*, а не Иисусъ и Давида *Давидъ*, и если предположено будетъ перепечатывать исторію, изданную въ Карлсруэ, то изображение Христа нужно выпустить, ибо рисунокъ этотъ не отвѣчаетъ требованіямъ раскола.

3) Грамматику, географію и ариѳметику пусть дають дѣтямъ, какія признаетъ удобными учителя, но рекомендовать можно бы грамматику Иванова (принятую въ училищѣ правовѣдѣнія), ариѳметику—изданную департаментомъ народнаго просвѣщенія, а географію—вообще употребляемую въ приходскихъ училищахъ, и обязать преподавателей учить дѣтей, примѣняясь къ этимъ учебникамъ. Если учителя будутъ знать, что учениковъ ихъ станутъ экзаменовать придерживаясь извѣстныхъ учебниковъ, то они сами почувствуютъ необходимость не удаляться отъ этихъ учебниковъ. Но никакъ не должно стѣснять учителя на каждомъ шагу, ибо иначе положеніе его будетъ невыносимо. Расколъ свирѣпъ и мстителенъ. Расказываютъ, что старичекъ Желтовъ былъ человѣкъ очень толерантный и училъ

дѣтей, пробуя какъ лучше. За это, когда правительство закрыло раскольничьи школы и дряхлому учителю, приобрѣвшему извѣстность добрѣйшаго и безкорыстнѣйшаго человѣка, стало нечего ѣсть, община не хотѣла его даже пустить въ богадѣльню, какъ еретика и соблазнителя. По моему, не въ томъ дѣло, что бы сразу явились прекрасныя приходскія школы, а въ томъ, что бы были школы *сносмы*: чтобы было положено начало, которому рядомъ благоразумныхъ мѣръ можно давать надлежащее развитіе и вести его къ совершенной зрѣлости. Часовникъ и псалтырь не вносить въ программу, но дозволить обучать по нимъ *чтенію*. До катихизиса и церковной исторіи не касаться. Предложить специалистамъ: не найдеть ли ктонибудь возможности составить грамматическое руководство во вкусѣ «грамматики роднаго языка», г. Половцова, которая такъ правится раскольникамъ за свой шрифтъ, но не можетъ быть принята ими за одинъ приѣзъ (стр. кѣ, «патріархъ Никонъ въ униженіи!»)

Если сдѣлать такъ, какъ я думаю, то тысячи раскольниковъ откажутся отъ школъ, найдутъ ихъ еретическими и вредными; но тѣмъ темъ бросятся въ нихъ и черезъ два, а много три года, увлекутъ за собою отсталыя тысячи и дѣло просвѣщенія людей, на каждомъ шагѣ тормозимыхъ своимъ невѣжествомъ, несомнѣнно пойдетъ.

Это все, что я могу сказать стараясь по мѣрѣ силъ монахъ служить уясненію положенія учебнаго вопроса въ одной изъ многочислѣннѣйшихъ, сильнѣйшихъ, самостоятельнѣйшихъ и, смѣю думать, образованнѣйшихъ раскольничьихъ общинъ, въ предѣлахъ Русскаго Государства.

Николай Лѣсковъ.

23 Сентября 1863 г.
С.-Петербургъ.

PKS
111